

Бриллианты требуют жертв

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Бриллианты требуют жертв

Мария Жукова-Гладкова

Следствие ведет журналистка #5

Своеобразное чувство юмора было у русских аристократов! Представители знаменитой графской фамилии Беловозовых-Шумских в свое время сочинили легенду о драгоценностях, пропавших в 1812 году. На протяжении почти двух веков находились сотни желающих добраться до клада или подделать его... В наши дни старинные украшения заинтересовали торговцев антиквариатом, всемирно известных авантюристов Франка Ли и Ганса Феллера. Так существуют ли сокровища на самом деле? И кто доберется до них первым?

Мария Жукова-Гладкова

Бриллианты требуют жертв

Автор предупреждает, что все герои этого произведения вымышлены и сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Пролог

Год 1812

Усадьба графов Шумских стояла на пути к Москве. Граф с сыном в рядах русской армии воевали с французами. Жена графа давно умерла, получив двухстороннее воспаление легких, в усадьбе жили дочь Наташа и сестра, которая уже много лет вела хозяйство. Она осталась старой девой из-за внешнего уродства и скверного характера, который с годами только ухудшился, однако знакомым и родственникам неустанно повторяла, что посвятила жизнь семье брата, племяннице и племяннику, что они должны быть ей благодарны до гробовой доски и регулярно молиться за ее здоровье. Племянник, молодой видный офицер, умел за себя постоять. Когда он жил в усадьбе, то не давал сестру в обиду. Да и сама тетка не позволяла себе травить Наташу в присутствии мужчин. Когда же они уехали воевать, Наташе совсем не стало житья в отчем доме.

Теперь Наташа не знала, что хуже: попасть в плен к приближавшимся к Москве французам, в руки совсем распоясавшихся мужиков, голоса которых доносились в дом (самые активные предлагали поднять старую каргу на вилы, про Наташу, правда, ничего не говорили: ее-то любили), или уехать вместе с теткой к каким-то дальним родственникам в Петербург.

Та только что заявила, что отдала приказ паковать сундуки и грузить подводы. И хотя дворовые девки тут же подчинились (графиню боялись все), мужики, как подозревала Наташа, могут и отказаться. Добра у Шумских было немало. Старая графиня, похоже, намеревалась забрать все.

Наташе был дорог только портрет маменьки. Все маменькины украшения после ее смерти тетка забрала себе, обьявив, что Наташе передаст их только после замужества. «Конечно, если тебя кто-нибудь возьмет замуж», – не преминула добавить.

Наташа была девушкой романтической, мечтала о любви и уже влюбилась в одного из друзей брата, который вместе с ним где-то воевал против французов. У самой Наташи никаких богатств не было. Хотя она знала, что их семью бедной никто бы не назвал.

...Графиня вскочила с кресла, в котором сидела, и рявкнула громовым голосом:

– Чего встала как истукан? Иди собирайся! Живо! Живо!

Наташа побежала от греха подальше.

Под руководством матери-командирши, то бишь старой графини, подводы к вечеру были готовы. Слуги, как заметила Наташа, работали с необычным для себя энтузиазмом. Потом девушка догадалась: хотят поскорее избавиться от присутствия старой карги. Лучше попасть к французам, чем терпеть ее присутствие.

– Поедем рано утром, – объявила графиня.

– Почему, тетя? – решила спросить девушка. – Ведь вы же сами сегодня утром говорили, что нужно как можно скорее...

– Утром! – повторила графиня. – Отправляйся спать.

Наташа пожелала тетке спокойной ночи и отправилась в свою светелку.

Заснуть не получалось. Потом она внезапно услышала, как в погруженном в темноту доме заскрипели половицы... Девушка сжалась. Привидение? Нет, не водилось у Шумских привидений. Кто-то из французов пробрался?..

Потом она услышала, как голос, который ни с чьим не перепутаешь, что-то невнятно пробурчал.

«Куда это тетушка отправилась среди ночи?» – подумала Наташа. Девушка испугалась, что тетка уедет одна и бросит ее. Наташа не могла исключать такого варианта – она привыкла думать о папенькиной сестре самое худшее и ожидать от нее всяких гадостей. Девушка решила посмотреть, что старая карга собралась делать ночью.

Тихо встала с кровати, быстро оделась (Наташа прекрасно умела обходиться без помощи прислуги) и выскользнула из светелки. Дом был погружен в тишину – все спали. Вдруг Наташа услышала звук открываемой двери. Внизу.

Значит, точно решила уехать без нее? Отдала приказ кому-то из мужиков, которые побоялись ослушаться... Наташа сжала кулачки.

Хорошо. Она останется. Пусть приходят французы. Пусть. Но напоследок она выскажет ненавистной тетке все, что о ней думает. Все, что накопело за годы после смерти маменьки. И маменькин портрет она должна забрать с подводы. Пусть останется с нею. Наташа его не отдаст. Тем более ценности он не представляет. А все остальное пусть забирает.

Полная решимости Наташа поспешила по лестнице вниз. Выскользнула на улицу. Нет, подводы стоят, как стояли. В том же месте. И рядом с ними не наблюдается никакого шевеления. Хотя в саду слышны какие-то тихие странные звуки...

Наташа поспешила к саду, стараясь держаться у стены дома. Потом шла на звук, перебегая от дерева к дереву. Потом застыла на месте с открытым ртом.

Вооружившись лопатой, тетя копала яму. Да она отродясь ничем подобным не занималась! Чтобы ее сиятельство сама взяла в руки какой-нибудь инструмент?.. Графиня тяжело пыхтела, но рыть продолжала. Наташа стояла под деревом, наблюдая.

Потом на короткое время из-за затянувших небо туч появилась луна, и Наташа увидела, что на земле рядом с ямой, которую копала тетка, стоит большая шкатулка. Та самая, в которой хранились драгоценности семьи Шумских. Маменькины серьги и кольца, которые ей дарил папенька и которые по праву должны были перейти Наташе.

«Ах вот зачем тут тетя...»

Больше смотреть смысла не было. Наташа вернулась в дом. На ее губах играла легкая улыбка.

* * *

После разгрома армии Наполеона в усадьбу, вернее, на пепелище, вернулись только Наташа и старый граф. Тетка умерла в Петербурге, несколько дней промучившись резами в желудке. Но даже на смертном одре она ни слова не сказала Наташе про драгоценности. Брат и его друг, в которого была тайно влюблена Наташа, погибли. Но в Петербурге она встретила блестящего графа Беловозова, за которого в скором времени вышла замуж. Из маменькиных

драгоценностей нашлись лишь одно кольцо и самые простенькие серьги – в теткиных вещах. А шкатулки в земле не оказалось. Куда тетка ее закопала? Может, выкопала вторую яму, а Наташа поленилась подольше за ней понаблюдать? Или ей все приснилось? Но ведь драгоценности куда-то подевались?!

Поскольку Наташа теперь оказалась последней в роду Шумских, старый граф договорился с будущим зятем, что молодые дадут детям двойную фамилию. Так появились графы Беловозовы-Шумские.

* * *

Граф Беловозов-Шумской вернулся из Парижа в Петербург за женой и детьми.

– Я все подготовил, – объявил он. – Мы должны срочно уезжать! Срочно! Или будет поздно!

– Вот Аннушка Скоробогатова говорила мне... – начала графиня.

– Все твои Аннушки могут говорить все, что угодно! Вспомни, как Шумские вовремя уехали из усадьбы, когда к Москве подходили войска Наполеона? Потом вернулись.

– Ты думаешь, дорогой, что мы тоже сможем вернуться? Вот Наташенька Григорьева говорила мне...

Подруги жены всегда раздражали графа. Будет просто прекрасно, если они останутся в Петербурге и не отправятся в Париж.

– Быстро собирайся! – велел он. – Поедем завтра.

– Как завтра?! – опешила графиня. – Да я...

– Мы не сможем взять все, Лиза, – объявил граф. Графиня схватилась за сердце и уже готовилась разыграть приступ – в этом она была большая мастерица.

Про себя граф подумал, что он в свое время очень удачно велел сделать потайной ход в подвал, где можно будет спрятать накопленное за многие годы богатство графов Беловозовых-Шумских. Никто никогда не догадается о маленькой кнопке у камина. И все будет ждать их возвращения. Когда бы они ни вернулись...

Он был уверен, что смута на Руси в скором времени закончится. Тогда они сразу вернутся. Следовало взять только самое необходимое, самое дорогое. И ни в коем случае не везти все драгоценности. Мало ли что может случиться в дороге. Старуха-графиня Шумская, легенда о которой передавалась из поколения в поколение, была хоть и... – нет, о мертвых или хорошо, или никак! – в общем, старуха Шумская правильно сделала, что закопала драгоценности в землю, когда приближались французские войска. И правильно, что никому не сказала про место. Не Наташу же было посвящать в тайну? Разве можно было доверить ее молоденькой девушке? И ведь графиня не собиралась умирать. А то, что племянница подсмотрела... Повезло девчонке. Но чего добились-то?..

Следуя традициям семьи, надо точно так же все спрятать. Тем более картины-то в любом случае не вывезти. Когда граф будет заполнять тайник, за ним никто посторонний не проследит... Жене о потайной лестнице знать не следует. Мало ли, разболтает своим Аннушкам и Наташенькам. Те и так столько раз обсуждали закопанный в землю при Наполеоне клад, что у Беловозова-Шумского зарождалась мысль: не отправятся ли дамочки сами на раскопки?

В помощники себе граф взял сына. Показал, где находится потайная кнопка, потом они полночи спускали вниз все ценное. Сундуки граф тоже велел сделать заранее. Они их только заколачивали, предварительно заполнив. Жена крепко спала, приняв капли. У младших детей сон был и без того крепок. Более того, звуки из подвала, если закрыть потайную дверь, до спален не доносились. Слуг граф отпустил.

Беловозовы-Шумские вернуться в Россию не смогли.

Графиня рвала на себе волосы и во всем обвиняла мужа. Ругала за то, что не разрешил ей взять накопленное добро, когда они уезжали. Граф напоминал жене, что они бы все равно не довели все до Парижа – слава богу, добрались сами. Лучше пусть драгоценности лежат в тайниках. Они там могут пролежать долго... В Париже он все-таки сказал жене про тайник.

Слушая ругань родителей, старший сын графа дал себе слово, что или он сам, или его собственный сын все-таки вернутся в Петербург и доберутся до богатств Беловозовых-Шумских.

Глава 1

– Юлька, в особняке банкира Виктора Глинских убийство! – радостно сообщил в трубку опер Андрюша, который регулярно поставляет мне фактуру для телерепортажей и статей.

Я работаю криминальным обозревателем на медиамагната питерского разлива. Веду на принадлежащем ему телеканале «Криминальную хронику» и пишу статьи в еженедельник «Невские новости» – естественно, на свою любимую тему. Краткий репортажик по ящику с места событий, потом подробное описание в еженедельнике. Такая информационная политика распространяется не только на криминал, но и на все остальные темы, интересующие народ: шоу-бизнес, паранормальные явления, секс в большом городе, сад и огород... Канал у медиамагната один, печатных изданий много. От репортеров, в частности, требуется заинтересовать зрителей так, чтобы они потом неслись покупать издания холдинга. Они, слава богу, несутся.

Опер Андрюша, один из моих постоянных консультантов, как и многие его коллеги, искренне радуется, когда кто-то из безработных бывших спецназовцев, подавшихся в киллеры, или простых воров делает какую-нибудь гадость ближнему – конечно, не простому смертному, а тому, кто благодаря своим наглости, нахрапистости и проходимистости оказался рядом с какой-нибудь кормушкой. По долгу службы Андрюша, конечно, должен ловить и сажать тех, кого следует, по его мнению, назвать санитарами леса. Но долг долгом, а покайфовать в душе никто не запретит.

– За мной можешь заехать? – спросил приятель.

Так, ясно, машина управления, как обычно, сломана. Но за предоставление фактуры я частенько оказываю сотрудникам услуги по доставлению их на место происшествия.

– самого банкира? – уточнила я перед тем, как сорваться с места.

– К сожалению, нет, – вздохнул приятель. – Модельку. Его последнюю любовницу.

Судя по голосу, модельку Андрюше тоже было не особенно жаль. Знала, с кем связывалась. Ведь и взорвать могли в одном автомобиле. Ладно, приедем на место, выясним, что произошло.

Забрала оператора Пашку, успевшего, правда, уже здорово принять на грудь (ведь вечер же, почти ночь!), и помчалась к зданию управления. Перед входом уже паслись Андрюша с двумя коллегами, которые быстренько загрузились ко мне.

– Куда? – спросила я.

Мне назвали адрес в центре города.

По пути я угостила сотрудников органов недавно купленной мною в хлебном ларьке «Соломкой маковой». Подкрепляясь вполне нормальным продуктом, произведенным в Подмосковье, приятели обсуждали, можно ли привлечь производителей данного продукта к уголовной ответственности за торговлю наркотиками. Решили, что, скорее всего, нет. Но очень хотелось бы посмотреть на того, кто поставил это название на упаковку.

Вскоре мы оказались перед уютным трехэтажным особнячком розового цвета, украшенным лепниной и парой львов.

– Как я хотел сегодня уйти домой пораньше! – вздохнул один из коллег Андрея. – А тут вначале одно, потом другое, теперь еще банкир... Если б еще самого шлепнули...

– Держу пари: виноват сам банкир, – объявил другой коллега. – Так и жди от них какой-нибудь гадости. Не мог девушку с утра убить.

– А это он ее?.. – открыла рот я.

– Пока неизвестно, – сказал Андрей.

– И нет чтобы хоть не в пятницу вечером, – пробурчал второй коллега. – Ну почему не в понедельник? Не во вторник?

– Да, банкиры совсем не думают о простых сотрудниках органов и о журналистах, – вздохнула я.

Вечером движение было слабое, поэтому мы без труда подъехали к нужному дому. Перед особнячком уже стояло несколько машин. Из журналистов на месте оказались только мы с Пашкой. Остальные или уже давно отдыхают, или... Не у всех есть старые друзья в органах.

Мы вошли внутрь. Оказались в довольно просторном холле (тоже с парочкой львов, только меньшего размера, чем на улице), из которого вверх шла лестница, украшенная ангелочками, зеркалами и какими-то статуями в нишах. Снизу статуи было не рассмотреть. Ангелочки были обоего пола и являлись скульптурными иллюстрациями к Камасутре. Никогда не видела их в таких позах. Оригинальная находка скульптора. Вот только интересно: скульптор жил до революции 1917 года или это кто-то из наших современников постарался?

– Когда будем подниматься, снимешь, – шепнула оператору.

Он кивнул. Потом покажем в холдинге. Наши очень любят смотреть дома «новых русских» и мафии, где мне, как криминальному обозревателю, иногда приходится бывать по долгу службы. И почему наши нувориши так любят ангелочков и статуи? Причем в каждом втором доме почему-то встречается богиня правосудия. Или это хохмачи-дизайнеры стараются?

– А что в этом доме было раньше? – спросила у Андрея.

– До революции или после?

– И до, и после.

– До – не знаю. Наверное, кто-то из великих князей или граф какой-нибудь жил. В общем, аристократ. Точнее сказать не могу. Но ведь в этом районе во всех

домах проживала знать. После революции, конечно, национализировали. Передали одному научному обществу. Оно тут и размещалось до перестройки. Ну а потом... Сама понимаешь, в каком состоянии у нас сейчас наука, ученые и, соответственно, научные общества. Вот банкир и обосновался.

– Так он здесь только живет? – уточнила я. – Один? Здесь не банк? Не офисы?

– Ты что, его банк не знаешь?! – повернулся ко мне один из коллег Андрея.

– Ах да... – протянула я.

Что-то к вечеру пятницы туго соображаю. Банк хозяина особнячка представляет собой огромное десятиэтажное здание из стекла и бетона, с ночной подсветкой. Помню, когда в первый раз проезжала мимо в темное время суток, еще подумала: что же это у нас тут так быстро выстроили? На следующий день выяснила. Когда в следующий раз проезжала мимо, уже в дневное время, поразилась количеству машин (естественно, дорогих иномарок), припаркованных перед фасадом.

В городе имелось еще несколько филиалов. Как и в других городах, и, насколько мне известно, – на Кипре. Неудивительно, что Глинских сам проживает в этом старинном особнячке в центре города. Только вначале до меня никак не доходило, что здесь можно жить.

– А семья у него есть? – спросила у Андрея. – Или семьи?

– Холост. Периодически меняет моделек. Обязательно должна быть блондинка, причем с длинными волосами и ногами, растущими от ушей. Шляется с ними по всяким презентациям и выставкам. В ящике регулярно мелькает. Правда, у тебя в программе ни разу не появлялся. Хотя ему там самое место.

Пашка быстренько заснял холл, потом мы впятером поднялись на второй этаж, где произошло убийство и уже работали криминалисты. Нас встретил следователь Сан Саныч.

– Ангелочков засняли? – поинтересовался шепотом.

Мы с Пашкой дружно кивнули.

– Это еще цветочки, – сказал Сан Саныч, прибывший на место раньше нас и уже осмотревший дом или, по крайней мере, какую-то его часть. Зачем следователю ходить в музеи, если время от времени вызывают на трупы в дома новой знати? У них гораздо интереснее. А сочетание стилей... Статуя а-ля «Девушка с веслом» перед картиной Рафаэля «Мадонна в зелени» или «Мадонна в кресле». На одной стене рядышком Тициан и Митьки... Просто божественно смотрится. Или что-то из современного на старый лад. Ну, например, «Чеченские боевики пишут письмо Президенту Путину». Или Бушу-младшему. Или Усаме бен Ладену. Они же действительно не запорожцы, чтоб турецкому султану писать?!

Фотограф съемку закончил, эксперт колдовал над трупом. Убитая лежала в огромном зале, украшенном картинами и напольными вазами. У меня создалось впечатление, что я попала в Эрмитаж. Подозреваю, что на стенах висели подлинники, а не копии. Из мебели в этом помещении, в которое посетитель попадал сразу же с лестничной площадки второго этажа, имелись три обитых шелком диванчика у разных стен и огромный белый рояль. На обивке диванчиков изображались целующиеся попугайчики. На картинах – в основном голые бабы, причем и стройные нимфы, и тетки в стиле Рубенса. Видимо, рассчитано было на гостей с диаметрально противоположными вкусами.

Банкир сидел в кресле в соседней комнате – библиотеке. Здесь были собраны старинные книги. Ни одной современной обложки. Возможно, книги остались от ученых. Банкир ведь вполне мог купить дом вместе с ними. С другой стороны, зачем ему научные книги? Или он просто собирает фолианты? Названия я рассмотреть не успела, да и невозможно было – из-за количества, высоких потолков и стершихся букв на корешках.

Когда мы вошли в комнату, Глинских резко повернулся, взглядом внимательных умных глаз осмотрел нас всех, потом остановился на мне. Судя по виду, совершенно не волновался. Уверен, что откупится?

– Здравствуйте, – сказал банкир.

Мы все ответили.

Он встал, подошел ко мне и с милой улыбкой спросил:

– Юлия Смирнова, если не ошибаюсь?

Я кивнула.

– Давно хотел с вами познакомиться, но никак не думал, что наше знакомство произойдет при таких печальных для меня обстоятельствах. Виктор Анатольевич Глинских. Можно просто Виктор.

Он взял мою руку двумя своими. Признаться, не знала, что делать, поэтому пока решила помолчать и послушать.

– Как я вижу, вы с оператором?

Я опять кивнула.

– Очень хочу попросить вас заснять все, что я буду говорить. Я тут уже один раз рассказал вон тому господину о случившемся, – Глинских кивнул на Сан Саныча, – но повторюсь специально для прессы и для вновь прибывших. А вам, – он повернулся к Сан Санычу, – давно уже пора отправлять группу по адресу моего двоюродного брата и давать информацию всем постам. Ведь сбежит же, мерзавец.

После слов банкира все сотрудники органов заговорили одновременно. Я, признаться, не совсем понимала, в чем дело. В соседней комнате лежит труп красивой блондинки, длинные волосы которой разметались по полу, тут совершенно спокойный банкир произносит речь...

Глинских тем временем вновь повернулся ко мне. На вид ему было года тридцать два, то есть чуть старше меня. Рост – где-то метр семьдесят восемь, полноват – вполне мог бы осчастливить многодетную семью каннибалов. Костюм, белая рубашка, галстук. Он так дома ходит?..

Глинских смотрел на меня внимательно и, пожалуй, изучающе.

– Отметьте, пожалуйста, в своем репортаже, Юлия... простите, как по отчеству?

– Владиславовна.

– Так вот, Юлия Владиславовна, отметьте, пожалуйста, в своем репортаже, что я сам вызвал милицию. И даже не стал звонить адвокату, потому что считаю: честному человеку нет необходимости приглашать адвоката, когда он звонит в милицию, чтобы сообщить о преступлении, о котором ему стало известно.

«Ну и формулировочка», – подумала я.

Банкир тем временем посмотрел на Андрюшу и теперь уже ему сказал, что «им» следует немедленно дать информацию всем постам – или как там это у «них» делается – с приметами его двоюродного брата.

– Так, давайте все сядем, – предложил Андрюша. – И вы нам все подробно расскажете.

Сан Саныч хотел было что-то сказать, но Андрюша поднял руку и жестом попросил не вступать. Сан Саныч быстро все понял, решив отдать инициативу в руки Андрюши. У того обычно общение с нуворишами получалось продуктивнее. В особенности рядом со мной.

Банкир предложил нам всем пройти в гостиную. Это была третья комната, в которой нам удалось побывать. Отделана в голубых тонах – стены обиты тканью с золотыми двуглавыми орлами, голубые диванчики, кресла.

– К сожалению, сегодня у всей моей прислуги выходной, – вздохнул банкир, опускаясь на диванчик, – и я не могу предложить вам кофе.

«А сами варить не умеете? – подумала я. – И даже не в курсе, где у вас в доме кофеварка?»

– Будьте добры, расскажите, как все произошло, – попросил Андрюша. – Против присутствия прессы, как я понял, вы не возражаете?

– Как раз наоборот! Я же сказал: хочу, чтобы присутствовала пресса и все фиксировалось. Юлия Владиславовна, можно мне потом будет сделать копию?

Я кивнула.

– Я, конечно, могу вызвать своего адвоката, но не вижу в этом необходимости, – продолжал ворковать банкир. За время последовавшего рассказа он вспомнил адвоката еще раз пять. И раз десять повторил, какой он честный и что ему совершенно нечего скрывать от органов и от прессы.

По его словам, он сегодня ездил в гости к одной своей давней знакомой – владелице художественной галереи. Для виду помявшись («Как не хочется впутывать в это дело даму! Ах, как не хочется! Ни один уважающий себя мужчина не станет упоминать имя женщины, если этого можно избежать...»), он назвал и имя галеристки, и оба ее адреса (рабочий и домашний). Видимо, понимал, что на сей раз «не избежать».

Когда вернулся (точно назвал время), с удивлением понял, что в доме кто-то есть.

– Вы часто отпускаете всю прислугу? – спросил Андрей.

– На ночь. Но сегодня такое дело... Сегодня отпустил на целый день. Одна из моих горничных выходит замуж. Приглашены все остальные. Ну не мог же я отказать? Меня, конечно, тоже приглашали, но я посчитал, что мне появляться... неэтично, скажем так. Конечно, я поздравил молодых и даже оплатил им недельное свадебное путешествие на Канары. Завтра, конечно, кухарка уже выйдет на работу. Но я решил, что сегодняшней день переживу. Тем более я не собирался быть дома.

– А охраны у вас нет? – удивленно спросил Андрей. Меня, признаться, это тоже удивило.

– В доме? Нет. Есть дворецкий. Но он тоже на свадьбе. В банке, конечно, есть.

– А ездите вы один?

– На работу, по делам – нет. Там меня сопровождают охранники, но... Для престижа. Потому что так положено. Мне по статусу полагается иметь охрану. Хотя я считаю, что это совершенно ни к чему. Я стараюсь никому не переходить

дорогу и со всеми дружить. Ведь вы же сами прекрасно знаете: ни один охранник, ни целый взвод опытных телохранителей тебя не уберезет, если ты наступил на больную мозоль... какому-то серьезному человеку, скажем так. Есть масса примеров. Юлия Владиславовна их в своих передачах и статьях регулярно освещает. Практически у всех жертв наемных убийц была охрана. И что? Спасла она? Только сами отправились к ангелам, ну или чертям – по этому вопросу спорить не буду, не знаю. Да и как мне кажется, квалификация отечественных киллеров гораздо выше, чем квалификация охранников. А вы как думаете, Юлия Владиславовна? Может, как-нибудь сделаете передачу на эту тему? Сравнительное исследование?

Он легко улыбнулся.

– Поэтому у меня работают только те люди, которые мне нужны. Как вы сами понимаете, мне просто некогда готовить себе еду. Поэтому есть кухарка. Я люблю чистоту, поэтому две девушки занимаются уборкой, стирают. Одной для такого дома недостаточно. В кухаркин выходной кто-нибудь из горничных подает мне завтрак и ужин. Или я в тот день ужинаю где-то в ресторане. Плюс дворецкий. Не самому же мне открывать дверь? Могли бы девочки, но лучше пусть это делает мужчина. Он же выполняет по дому мужскую работу. Мужик – мастер на все руки. Служил во флоте. Мне не нужен никакой молодой тупой мордоворот.

В процессе разговора у меня о банкире, признаться, складывалось самое благоприятное впечатление. С его коллегами доводилось встречаться и раньше, эмоции они вызывали совсем другие. Конечно, за исключением крестного отца местной коза ностра Ивана Захаровича Сухорукова, который в последнее время числится банкиром. Но там – случай особый. Он такой же банкир, как я – балерина.

– Давайте вернемся к нашим баранам, – сказал Андрей. – Вы вошли в дом и...

– Во-первых, я увидел свет в комнате на втором этаже, где его не должно было быть. Я всегда гашу за собой свет. Привычка. Забыть его выключить я не мог. Прислуги сегодня не было. Да и они бы не забыли.

– Вы увидели свет, когда вышли из машины?

– Нет, еще в машине. Потом я поставил ее во дворе, специально обошел дом и посмотрел с улицы.

– Специально обошли дом?

– Да. Я собирался зайти с черного хода...

– В доме два входа? – уточнил один из оперативников.

– Да. Парадный, через который заходили вы, и второй, со двора – им обычно пользуется прислуга и я, когда сам сажусь за руль. Утром, конечно, за мной приезжает служебная машина с шофером, он останавливается у парадного. И вечером меня подвозят к нему. Моя же машина – та, на которой я езжу сам, – стоит во дворе.

К моему удивлению (и изумлению всей следственной бригады), самостоятельно банкир ездил не на «шестисотом» «Мерседесе» (хотя для деловых поездок использовал как раз его), а на «БМВ», собранном лет пять назад, и не видел в этом ничего зазорного. Нам всем доводилось встречаться с нуворишами, которые ни в какую не желали расставаться с любимыми «Линкольнами» и «Хаммерами» и даже загоняли бы их себе в спальни – если бы драгоценные автомобили могли туда заехать.

– Сигнализация у вас в доме есть?

Банкир покачал головой.

– А вы не боитесь?.. – открыл рот один из оперативников.

– Кого? Обычных квартирных воров? Нет, не боюсь. Бомжи, которым не хватает на бутылку, сюда не пойдут. Солидные воры, перед тем, как идти на дело, изучают «клиента». Да, тут обычно прислуга, но... Солидный вор без труда выяснит, что... ко мне лучше не соваться. Я, как уже говорил, стараюсь со всеми поддерживать ровные отношения, но если кто-то переходит мне дорогу... Я не умею прощать. Понимаю: это не по-христиански, но... Себе я всегда говорю: меня растили атеистом, поэтому я не могу сразу же принять все, чему учит религия и требуется от верующего. Хотя уже стал задумываться о душе...

Он обвел нас всех взглядом и сказал твердым, жестким голосом:

– Я не прощаю тех, кто переходит мне дорогу. В чем угодно. По-крупному, по мелочам. И все, кто когда-либо имел со мной дело, это знают. Если бы сюда залезли воры... Они бы об этом горько пожалели.

Потом банкир широко улыбнулся.

– Но ведь воры не залезали. – Он помолчал немного и добавил: – Я очень рано усвоил одну умную вещь: вначале ты работаешь на свою репутацию, потом репутация работает на тебя. Моя – работает.

– Однако сегодня кто-то к вам забрался без вас, – сказал Андрей.

– Не воры, – сказал банкир.

И вздохнул. Мы все ждали продолжения.

– Мне очень неприятно об этом говорить. – Он опять вздохнул. – Потому что дело касается близких мне людей...

– Людей? – переспросил Андрюша. – Во множественном числе?

Банкир кивнул.

– Да, господа. Я застал у себя дома Ольгу... – Он посмотрел на меня и оператора Пашку. – Это ее тело лежит в зале с роялем. Мы встречались с ней последние месяцы.

– А еще кого? – спросил оперативник.

– Моего двоюродного брата. – Банкир поморщился.

Затем поведал историю своей семьи. Конечно, не всю. Только то, что относилось к делу.

У его матери имелась сестра, у сестры – двое детей, девочка, вернее, давно уже женщина, Катя и Гриша. Катерина оказалась способной, окончила в свое время Финансово-экономический институт и сейчас трудится в банке кузена начальницей одного из отделов. Особо близка с ним никогда не была, но работает хорошо, с коллегами поддерживает ровные отношения – как и с родственником-начальником. Ситуация устраивает обе стороны.

Но так называемый маленький братец... В семье, знаете ли, не без уroda. Или, по английской пословице, Гриша был той самой «черной овцой», которая и портила картину.

Братец постоянно впутывался в какие-то истории, из которых его в детстве вытаскивала мама, потом подключилась старшая сестра, в случае серьезных неприятностей его в последние годы вытаскивал банкир.

– Какого рода неприятности? – тут же сделал стойку боевого пса Андрей.

– Давайте это опустим, если можно. – Банкир скривился.

Оперативники кивнули. Пашка все снимал.

По словам Глинских, он застал свою любовницу Ольгу и двоюродного брата Гришу, выясняющих отношения у него в особняке.

– В какой комнате? – тут уже уточнил Андрей.

– В библиотеке.

Банкир опять скривился и добавил, что последней книгой, которую читали оба, по всей вероятности, была «Курочка Ряба». Может, «Колобок».

– Как они попали к вам в дом?

– Я тоже спросил об этом. Первым делом. Правда, ответа не получил. Вы потом поинтересуйтесь у Гришеньки.

– Следов взлома вы на дверях не видели?

– Признаться: даже не смотрел. Но чтобы явных...

– Дверь была заперта?

– Парадная – да. Я все-таки вошел через парадную, раз уж все равно обогнул дом. Как насчет черного хода – не знаю. Гришка убежал через него, так что... – банкир развел руками.

– Олег, сходи взгляни, – попросил Андрюша одного из коллег.

Тот с неохотой нас покинул. Наверное, ему было бы гораздо интереснее послушать банкира, но работа есть работа.

Правда, вскоре вернулся, причем не один, а вместе с криминалистом и дамской сумочкой. У убитой Ольги имелось несколько ключей. Банкира попросили взглянуть, не найдется ли среди них подходящего к его дверям.

– Вот этот – от черного хода, – тут же показал банкир. – Но... у нее этого не должно быть! Я никогда не даю своим женщинам ключи от дома!

Возмущался он очень искренне и долго. Потом замолчал, задумавшись. Думал тоже долго. Все молчали. Опергруппа рассматривала содержимое сумочки, Пашка его заснял, я взглянула мельком и, признаться, не обнаружила ничего необычного. Стандартный дамский набор. Вот если в мою заглянуть... Правда, у меня и не сумочка, у меня – побольше. Журналистке иначе нельзя. Но ведь мы же говорим о бывшей модели.

– Не знаю, откуда у нее ключ, – наконец произнес банкир вслух. – Если только как-нибудь сделала слепок, пока я спал... В прислуге я уверен. Они ей ничего не давали.

– А сколько существует ключей от ваших дверей?

– Давайте считать. У меня комплект. У Николая Петровича – это дворецкий. У Анны – это кухарка. У девочек-горничных нет, потому что, когда они приходят, на месте или Анна, или Николай Петрович. И есть еще один запасной комплект в сейфе на работе. Но у меня в кабинете Ольга никогда не была.

– То есть вы предполагаете, что она открыла дверь в ваш особняк своим ключом?

– Приходится так и предположить, – сказал банкир. – Если у нее оказался ключ...
Что мне очень не нравится...

Внезапно он резко встал.

– Простите, я должен покинуть вас на пару минут.

Один из коллег Андрея поднялся, чтобы следовать за Глинских.

– Я вас очень попрошу... – обратился к нему банкир.

– Сядь, – сказал Андрей и положил руку парню на плечо.

Глинских быстрым шагом вышел из комнаты. Мы все переглянулись.

– Я уже верю в его невиновность, – признался Андрей.

– Всякое бывает, – задумчиво произнес опытный Сан Саныч. – Зачем ему убивать модель?

– А если что-то увидела? Ладно, послушаем дальше.

– Кстати, все стекла – пуленепробиваемые, – подал голос коллега Андрея.

– Но на гранатомет не рассчитаны, – хмыкнул приятель.

– Особнячок пока ничем не прославился, – заметил Сан Саныч. – Может, в архитектурных кругах о нем и говорят, но по нашей части вроде бы ничего не было.

Он посмотрел на меня.

– Как будто ничего, – подтвердила я. Банкир вскоре вернулся, извинился и сел на то же место.

– Все в порядке? – спросил Сан Саныч.

– То, о чем я беспокоился, – да. Но о каком порядке может идти речь? – Глинских кивнул в сторону зала с роялем, где так и лежал труп.

– Значит, вы застали вашу любовницу Ольгу и вашего двоюродного брата Григория ругающимися в библиотеке. Из-за чего они ругались?

– Не знаю, – сказал банкир. – Я не имею привычки прикладывать ухо к замочной скважине и вообще подслушивать под дверь. И это мой дом! Я не скрывался и даже не пытался. И шагов не приглушал. Я был возмущен. Я сразу же прошел в библиотеку, резко распахнул дверь и... Они меня в первый момент даже не заметили. Вы можете себе это представить?!

После нескольких лет работы криминальным обозревателем я, как и сотрудники органов, могла представить все, что угодно.

– А Ольга и Григорий были знакомы раньше? Они встречались до... сегодняшнего вечера?

Банкир кивнул и сообщил, что его любовница и двоюродный брат учились в одном классе. Более того, Григорий всегда был равнодушен к Ольге.

– Она отвечала ему взаимностью?

– Ну если только в первом классе. – Он улыбнулся. – Ответ на ваш вопрос: нет. И на пока не заданный тоже: нет. В смысле не уводил ли я ее у брата? Не уводил.

Он вообще случайно узнал о знакомстве Ольги и Григория. Ольга ходила на вечер встречи с одноклассниками, а вернувшись с него, уточнила у Виктора Анатольевича, в самом ли деле Григорий Петров является его братом.

– Фамилии-то у нас разные. Матери – сестры, но они после замужества поменяли фамилии.

А на вечере встречи одноклассников все рассказывали о том, кто кем стал. Про Ольгу многие и так знали, поскольку видели ее фотографии в модных журналах. Ее имя также периодически мелькало в желтой прессе, в последнее время – рядом с именем Глинских. Ну девчонки и спросили у нее прямо, в самом ли деле у Ольги любовь с известным банкиром, одним из самых желанных холостяков Петербурга. Братец Гришенька наострил ушки. Потом припер Ольгу к стенке, стал говорить про брата Витю гадости.

– Он мне всегда завидовал, – вздохнул банкир. – У неудачников всегда так. Почему у меня банк, «Мерседес», особняк? А у него случайные заработки, общественный транспорт и квартира, которую сестра купила им с матерью? А тут еще и Ольга оказывается моей девушкой... Вроде как я его по всем статьям обобрал.

– Он вам звонил? Угрожал? – уточнил Сан Саныч.

– Я не могу назвать это угрозами... – медленно произнес банкир. – Да, звонил. Всегда пьяный. Трезвому, видимо, не хватало смелости. И не только после того, как узнал про Ольгу. Раньше тоже. Знаете ведь: что у трезвого на уме, у пьяного – на языке. Высказывал мне все, что обо мне думает. Я не обращал внимания. В одно ухо влетело, в другое вылетело. И насчет Ольги, конечно, звонил.

– А как Григорий попал сегодня в ваш дом? Почему он пришел сегодня?

– Это вы у него спрашивайте. Не знаю.

– Он бывал здесь раньше?

– Никогда. Я не имею привычки приглашать сюда родственников. Мать, конечно, приходит. Я вообще уговаривал ее жить здесь со мной, но она сама не хочет. Говорит: так ты лишишь меня общения. Она живет в том же доме, где я родился, в нашей старой квартире. А рядом с нею живут люди, которых она знает чуть ли не всю жизнь. Дети у многих разъехались, а старики ходят друг к другу в гости, вместе сидят на лавочках. А тут ей что делать? Я ее понимаю. С двоюродной сестрой мы домами никогда не дружили, Гришу я, признаться, никогда не горел желанием видеть, тетку, Гришину мать... А что ей, собственно говоря, здесь делать? И о чем нам говорить? Других родственников нет.

– То есть это первый визит Григория Петрова в ваш дом?

– Да. Вернее: насколько мне известно – да. Теперь я уже ни в чем не уверен.

– А почему Ольга сегодня приехала сюда?

– Понятия не имею.

– Вы с ней не поругались, раз вы сегодня поехали к... другой знакомой?

– Вы хотели сказать «любовнице»? – Банкир рассмеялся. – Алла Николаевна никогда не была моей любовницей. И не будет. Да она мне в матери годится. Правда, очень обидится, если я это скажу при ней. Так что, пожалуйста, не цитируйте меня. У нас чисто деловые отношения. Я ведь собираю картины и другие предметы старины. А она, как я вам уже сказал, – хозяйка художественной галереи.

Андрей напомнил, что банкир – если опер не ошибается – сегодня ездил к хозяйке художественной галереи домой, а не на работу.

Глинских кивнул.

– Ценных клиентов Алла Николаевна обычно принимает дома. Хотя вначале мы поужинали в ресторане, – добавил банкир и назвал ресторан. Сотрудники органов название записали.

– Вы долго у нее пробыли?

Банкир задумался на мгновение.

– Часа два. Два с половиной.

– Кто знал, что вы поедете к ней?

– Ольга. Я сказал, что не могу с ней сегодня увидеться, потому что у меня деловая встреча и я не знаю, во сколько она закончится. Что соответствует

действительности. Я мог бы пробыть у Аллы Николаевны и час, и пять часов.

– Кто-нибудь еще знал?

Банкир покачал головой.

– А что вас не будет вечером дома?

– Прислуга. Я сказал... что где-нибудь поужинаю. Чтобы мне ничего не готовили. Пусть спокойно празднуют. Секретарша. Вот она тоже знала, что я собираюсь к Алле Николаевне. Она дозванивалась до галереи. Аллу Николаевну иногда бывает трудно застать на месте, а от сотового телефона она категорически отказывается. Считает, вредно для здоровья. – Банкир улыбнулся. – Хотя я его ей купил. Но она всучила мне его обратно. Больше никто.

– То есть, по всей вероятности, Ольга и Григорий встретились в вашем особняке случайно? – спросил Сан Саныч.

– Думаю, да. Если он, конечно, за ней не следил. И не проследил до моего дома. Потом увидел, как она открывает дверь своим ключом... Позвонил. Она открыла. Не знаю. Это все догадки. Я при их встрече не присутствовал.

– Так, давайте вернемся к скандалу в библиотеке. Вы поняли, о чем они спорили?

– Выясняли отношения. – Банкир нахмурился.

– То есть у них были какие-то отношения? – не отставал Сан Саныч.

– Не было у них никаких отношений! – Банкир впервые слегка повысил голос. – Григорий орал, что она спит со мной только из-за моих денег...

– Эта причина имела место?

– Не стану отрицать. Имела. Но, хотелось бы надеяться, что не только она. Понимаете, я стараюсь никогда не связываться с хищницами. Ольга не была хищницей, но, конечно, ей хотелось красивой жизни, дорогих вещей... Однако, как мне кажется, она была бы со мной, даже если бы нам приходилось

встречаться и не в этом особняке. – Он помолчал и добавил: – Хотя и не в шалаше. С ее внешностью следовало рассчитывать на большее. Но Ольга... не девочка из провинции, которая всеми силами старается зацепиться в Петербурге и впивается в мужчину ногтями, зубками, ложится под кого угодно. Нет, Ольга из очень приличной семьи. Мать и отец – кандидаты наук, всю жизнь занимались искусством, преподавали в вузах, работали в музеях. Да, они сейчас в тяжелом положении, получают мало... Но это – приличная девушка. Да, Ольгиной семье были нужны деньги, но, как мне кажется, она ни под одного мужчину не легла бы из-за денег. Или только из-за денег. Я даже заплатил за ее образование... Хотя к знаниям она не очень стремилась. Я настоял, и ее родители и сестра давили со своей стороны. Но она хотела быть моделью.

Все на какое-то время замолчали. Мне было искренне жаль эту девушку. Такую молодую, такую красивую... За что она умерла? И как жаль ее родителей...

Сан Саныч попросил банкира рассказывать дальше.

Виктора Анатольевича, наконец, заметили. Ольга тут же смутилась и замолчала. Гриша же набросился на двоюродного брата вначале словесно, с упреками. Обвинил его в разворовывании страны, краже денег у населения – это была старая песня.

– Он был пьян? – уточнил Андрей.

Банкир задумался:

– Если только слегка. Точно не в таком состоянии, в котором он высказывает мне подобные обвинения по телефону. Но... он был очень зол. На Ольгу, на меня, на весь свет.

– Как вы оказались в зале с роялем?

– Я схватил его за шкурку и хотел дать пинка под зад. Он вырвался. Выбежал туда. И я, и Ольга последовали за ним. Гриша продолжал выкрикивать обвинения. Ольга попыталась его успокоить. Потом он решил устроить драку со мной. Бросился ко мне. Ольга попыталась влезть между нами. Он ее оттолкнул. Я крикнул, что сейчас вызову милицию. Он... В общем тут Ольга твердо сказала ему, чтобы он уходил, потому что она никогда с ним не будет. Его лицо исказила

ярость, он рявкнул: «Шлюха! Проститутка! Подстилка!» и швырнул ее на рояль. Я бросился к ней. Она... Я не совсем понял, как она ударилась, но тут как-то сразу рухнула на пол. Гриша продолжал что-то орать. А Ольга...

Банкир закрыл лицо руками.

– Я не мог поверить... Не мог... Что вот так... Я думал... она просто упала... Подвернула ногу... Потеряла сознание... Гриша тоже не сразу понял. А когда понял...

Внезапно банкир отнял руки от лица, оно исказилось гневом.

– Да ищите вы эту гниду! Что вы тут сидите, меня допрашиваете? Я ведь сразу вашим сказал, что за ним надо ехать! Я подключу все свои связи, чтобы он заплатил за Ольгину смерть! Это ничтожество... Он... сколько крови он матери своей попортил! Сестре! Мне! Так он еще и убийца!

За год до описываемых событий

У Николя, правнука русских эмигрантов Беловозовых-Шумских, был двоюродный брат. У него тоже имелись российские корни, но семья не могла похвастать легендами, которые передавались из поколения в поколение в семье Беловозовых-Шумских, вернее, теперь – только Шумских. Для французского уха двойная русская фамилия – это уж слишком. Правда, Николя всегда воспринимал себя именно как Беловозов-Шумской. И, как и все представители фамилии до него, жил с мечтой найти пропавшие драгоценности и вернуть оставленные в России богатства.

Идеей загорелся и двоюродный брат, хотя к Беловозовым-Шумским не имел никакого отношения: с ними породнилась его мать, а через нее и он.

Кузен вернулся из Цюриха, где посетил выставку изделий знаменитого ювелира Фаберже, и тут же приехал к Николя.

– Николя, ты должен срочно ехать в Россию! – возбужденно закричал с порога родственник, знавший по-русски всего несколько слов, в отличие от Николя,

которого русскому обучали с детства – так было принято в их семье, как и во многих других семьях эмигрантов. Правда, потом, общаясь с соотечественниками из России, они понимали, что говорят по-другому... Но их понимали, они тоже понимали, и этого было достаточно. Не лезть же в лингвистические дебри?

– Как тебе Фаберже? – лениво спросил Николя.

– Жив правнук ювелира! – заорал в ответ двоюродный брат.

– Фаберже?

– Да при чем тут Фаберже?! Не Фаберже, Мильца! Того самого Мильца, который делал кольца и серьги твоей прабабушке! Или прапрабабушке? Те драгоценности, которые остались в Петербурге, когда твои предки оттуда драпали!

– Что?! Правда?! – Николя тут же очнулся. Глаза у него загорелись. – Откуда ты знаешь?

Двоюродный брат поведал Николя о том, что ему удалось услышать на выставке в Цюрихе. Мильц жив. Талант, правда, не тот, что у прадеда и деда, в основном промышляет оценкой. Но много знает. И имеет связи.

– Надо ехать, Николя! Если не наше поколение, то кто же? Тем более Мильц – пожилой человек. Сколько он еще протянет, неизвестно.

Братья решили, что вначале на разведку съездит Николя. Во-первых, он знает русский и ему не придется нанимать переводчика, а в таких делах лишние уши не нужны. Во-вторых, он все-таки прямой потомок Беловозовых-Шумских. В-третьих, он свободный художник и ему не требуется ежедневно ходить на службу, как его брату. Брат же профинансирует поездку. У Николя, как у свободного художника, обычно было худо с деньгами.

Николя стал собираться в путь.

За полгода до описываемых событий

Международный аферист, торговец предметами искусства, немец по национальности Ганс Феллер встречался со своим постоянным клиентом – тexasским миллионером, который что только не коллекционировал... Нужно же было куда-то девать деньги.

Техасец Ганса Феллера жутко раздражал – и своим громовым голосом, и манерой размахивать руками, и вечным посасыванием незажженной сигары. Но опять же мани-мани...

На этот раз техасец объявил, что недавно завел русскую любовницу. Из эмигранток последней волны. В постели – зверь! А как готовит! Повара из кухни вытеснила и кудесничала! Повар потом сковородки вылизывал.

В общем, тexasский миллионер спросил у милой, что она хочет получить в подарок. В смысле, в следующий раз. И она сказала: какие-нибудь старинные русские драгоценности. Работы известного мастера. Фаберже или кто там еще был. И делал серьги, кольца, браслеты для русских цариц, княгинь, графинь.

– Ты уж расстарайся, Гансик, – сказал техасец, посасывая сигару. Феллер ненавидел, когда его именовали Гансиком, но тут терпел – деньги и постоянный клиент. – А я уж за ценой не постою.

Главное: тexasца совершенно не волновала криминальная история получаемого им товара и способ его доставки в США. Наоборот, он мог похвастаться своим приятелям, из какого музея доставлен тот или иной экспонат. И приятели хвастались тем же самым. У Ганса Феллера было много клиентов среди тexasских миллионеров.

За сто лет до описываемых событий

Трое русских, наверное, были уверены, что справятся. У них имелось огнестрельное оружие, у десяти китайцев – только знание боевых искусств (о чем русские не подозревали). Хотя должны были бы. Ведь их капитан понял: перед ним не законопослушные граждане. А члены любой банды должны уметь

драться. Хорошо уметь – чтобы выжить.

И китайцы могли бы выстоять, если бы... Если бы не сидели в трюме, куда их поместили русские. Хотя китайцы сами хотели покинуть порт незамеченными.

Только Ли Сунь смог улизнуть. Единственный. Пока его товарищи выпрыгивали из трюма и боролись с русскими. Те-то явно не знали, на какую высоту способен прыгнуть человек. И что человек после определенных тренировок может научиться ходить по стене. Китайцы умели.

Ли Сунь прыгнул в воду. И даже успел прихватить с палубы спасательный круг.

Хорошо, что было темно. Русские действовали ночью. Ночью в открытом море. Ли Сунь надеялся только, что они не успели очень далеко отойти от берега и его скоро подберет какое-то рыболовецкое судно. Или хоть какое-нибудь.

А потом он думал, что лучше бы умер на борту корабля. Пить! Как ему хотелось пить! Кругом была вода и под ним была вода, но пить-то ее нельзя! А сверху было солнце. Солнце, которое неумолимо палило, казалось, прожигало его насквозь. Солнце больно било по глазам, если китайцу вдруг приходило в голову поднять веки. И небо было голубое-голубое, без единого облачка. А когда не надо – то идет дождь и над тобой нависают тучи. Хотя что тут бывает, в этих широтах? И почему сейчас не сезон дождей?! Но тогда он мог бы попасть в бурю и точно не выжил бы. А так его окружал спокойный, безмятежный, бескрайний океан. Но неужели мимо не пройдет ни одно рыболовецкое судно? Или какой-нибудь торговый корабль? Еще день – и Ли Сунь умрет от жажды. Он впадет в забытие и никогда больше не очнется. И никто никогда не узнает, что сделали русские.

Нет! Он должен держаться. Должен. Обязан. Но как хочется пить... Пить!..

А потом ему показалось, что он видит удивительный сон. На него лилась вода. Живительная влага. Вода! Он пьет! Да будьте благословенны люди, спасшие его! Да будьте...

Он выжил.

* * *

Высокая женщина смотрела очередную передачу Юлии Смирновой. Она вообще часто смотрела «Криминальную хронику» и читала «Невские новости». Следовало быть в курсе происходящих в городе событий. Может, ей представится шанс, которого она давно ждет? Ждать уже надоело.

Глава 2

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил меня Андрей, когда мы выехали от банкира. Завтра, в субботу, на нашем телеканале нет «Криминальной хроники». Сюжет пойдет в «Новостях», а в понедельник, наверное, повторим и у меня в программе. Надеюсь, добавим что-то новенькое.

– Ох, не знаю... – произнесла я.

Я в самом деле не знала... Но обо всем по порядку.

Закончив дела в особняке банкира Глинских, опергруппа поехала домой к его двоюродному брату. Адрес был любезно предоставлен Виктором Анатольевичем. Банкира оставили в особняке одного, никаких подписок о невыезде с него не брали, не говоря уже о том, чтобы доставить в ИВС, для непосвященных – изолятор временного содержания.

Уже по пути в моей машине, как и обычно, используемой для доставления сотрудников органов к нужному месту (взамен на предоставление фактуры), начали обсуждать рассказ банкира.

– Вообще-то ему было незачем убивать модельку, – сказал один из коллег Андрея.

– А если случайно? В состоянии аффекта? Увидел ее с братцем, которого явно недолюбливает? – высказал предположение второй.

– Надо вначале взглянуть на братца, – заметил Андрей. – И навести справки про всю семейку.

Потом сотрудники органов спросили мое мнение. Я считала, что банкир, если возникнет угроза его драгоценной заднице, обязательно подключит лучших в городе адвокатов, задействует все связи (а их у него явно немерено, причем с самыми верхами) и в любом случае выйдет сухим из воды. «За недоказанностью».

– Зришь в корень, – вздохнули сотрудники органов почти хором.

Они прекрасно знали, что дела, в которых каким-то образом оказываются замешанными «лучшие люди нашего города», обычно спускаются на тормозах. И «лучшие люди», если очень не повезет, отделяются легким испугом. А иногда еще и достается простым сотрудникам, посмеявшимся замахнуться на такое лицо. В прессу чаще всего информация не попадает, если что-то и удастся узнать, то в частных беседах, а сотрудники, поставляющие фактуру, просят на них ни в коем случае не ссылаться.

– Но ведь вызвал же он вас, – напомнил Пашка ребятам из управления. – Сам вызвал. И на нас не вопил, не оскорблял, Юльку ни разу стервой и дрянью не назвал, камеру мне разбить не пытался, как раз наоборот...

Когда мы всей гурьбой на двух машинах прибыли к дому, в котором проживал Григорий Петров, и выгрузились, Сан Саныч объявил, что в квартиру пойдет он сам вместе с Андреем и еще одним парнем из управления. Потом взгляд следователя остановился на моей скромной персоне.

– Мы с Павлом готовы выступить в качестве понятых, – тут же предложила я, зная, как сложно найти граждан, желающих выполнить свой гражданский долг. Тем более время позднее, да и кто хочет продемонстрировать соседям встречу с сотрудниками органов. Тем более, пожалуй, исход будет неблагоприятный.

Ребят я понимала: с них требуют раскрываемость, отчеты и всю остальную дребедень. Да ведь и этот Гриша вполне может быть виновен...

– Ладно, пошли, – вздохнул Сан Саныч, который тоже прекрасно знал, как сложно найти понятых.

И мы впятером отправились на седьмой этаж.

Квартира оказалась трехкомнатной, с изолированными комнатами и большой кухней. Как мы потом узнали, сестра Гриши, трудившаяся в банке у Глинских, не купила ее (как говорил Виктор Анатольевич), а доплатила при обмене трехкомнатной «распашонки» на эту квартиру, куда перебрались ее мать и брат. Себе самой с семьей купила другую квартиру.

На поздний звонок в дверь долго никто не открывал. Потом слышались робкие шаги и немолодой женский голос боязливо поинтересовался, кто звонит в такой час.

Сан Саныч представился. Женщина вначале открыла дверь на цепочку, внимательно изучила удостоверение Сан Саныча, потом Андрея, потом второго оперативника. Я уже приготовила свое, но оно не потребовалось.

– И вы тут? – вздохнула женщина. – Ладно, проходите. – Потом посмотрела на меня и на Пашку с камерой в руках. – Только, пожалуйста, все заснимите с самого начала. Вы потом можете сделать мне копию кассеты? Я заплачу.

Андрей незаметно толкнул меня в бок. Что это все члены этой семьи хотят получить копии встречи с органами? Или это банкир уже успел проинструктировать родственников? Вслух я обещала предоставить копию.

Гриша сидел в своей комнате и тихо пил в одиночестве. Был уже здорово пьян. Мать вошла в его комнату вслед за нами и заголосила.

Сан Саныч хотел приступить к допросу Петрова, но допрашивать его было невозможно: он лыка не вязал. Только время от времени поносил двоюродного брата и его банк. Тогда Сан Саныч обратил свой взор на его мать и поинтересовался, когда ее сын сегодня вечером убыл из дома и когда прибыл.

Судя по ее ответам, Петров вполне мог находиться в особняке банкира в указанное Глинских время.

В общем, мать попросили собрать вещи, и задержанный Григорий Петров отправился в ИВС. А мы все – по домам.

– Ну так что думаешь, Юлька? – спросил Андрей.

– Хотелось бы послушать, что этот Петров скажет, когда протрезвеет... Кроме обвинения кузена в отмывании грязных денег.

* * *

В понедельник, когда я во второй половине дня приехала в управление за сводкой, Андрей сообщил мне про дальнейшее развитие событий по делу об убийстве модели.

В субботу мы на нашем канале сообщили о нем в программе «Новостей», сегодня я намеревалась посвятить ему часть времени в «Криминальной хронике», поскольку происшествие оказалось самым громким за пятницу, субботу, воскресенье, да и, похоже, понедельник. Потом еще опишу в «Невских новостях», благо фотографий модели полно и в изданиях нашего холдинга, причем и вместе с банкиром.

Хотя меня почему-то больше всего заинтересовала фотография банкира Глинских в компании двух женщин – модели Ольги и владелицы известной художественной галереи Аллы свет Николаевны, у которой он провел вечер пятницы.

В холдинге, где я работаю, масса изданий. Освещаем хоть криминал, хоть паранормальные явления. Публикуем мы и советы женщинам, и кое-что для садоводов-любителей. Поскольку нашему медиамагнату принадлежит довольно большое количество различных СМИ, среди коллег всегда можно отыскать человека, способного проконсультировать практически по любым темам.

После того как я в архиве собрала фотографии модели и банкира и наткнулась на фото владелицы галереи, отправилась к даме, обычно освещающей различные вернисажи и лично знакомой со многими художниками.

Продемонстрировала ей фото и спросила, что она может мне рассказать про Аллу свет Николаевну и ее галерею.

Дама сняла очки, долго их протирала, надела и посмотрела на меня поверх стекла.

– Наконец-то, Юленька, и вы до нее добрались. А я все ждала.

– Чего именно? – уточнила я.

Дама на мгновение задумалась.

– Ну... – протянула наконец. Потом спросила, встречалась ли я с Аллой Николаевной лично. Я ответила, что пока не довелось, но намереваюсь это сделать в ближайшее время. Не исключаю, что и в компании с представителями управления. – А в чем дело?

– Вы понимаете, Юленька, что у меня нет никаких доказательств...

– Понимаю.

– Но ходят разговоры... В общем... Ею очень недовольны художники. Не все. Часть. Есть, правда, и те, которые очень довольны.

– Чем именно она занимается? – прямо спросила я.

– Ну вы же знаете – она хозяйка...

– Да, конечно, – перебила я коллегу. – Я вас спросила, чем она занимается.

– Продажей картин. Антиквариата. Всяких безделушек. Конечно, старинных. Причем основная часть идет в обход галереи. Но вы понимаете, что мне все это говорили в частных беседах? Она... платила людям очень мало денег, а потом они узнавали, что вещь на самом деле ушла за очень большие...

«Обычное дело», – подумала я.

– Только ее никто никогда не смог схватить за руку!

Дама извлекла из стола папочку, из папочки – вырезки из газет и журналов. Мне была продемонстрирована реклама художественной галереи – «самой порядочной», хотя как галерея может быть порядочной, я, как филолог по образованию, не совсем поняла. Реклама любезно объясняла: если вздумаю пойти туда сдавать на комиссию какую угодно старинную вещь, следует ехать на грузовике: мне там столько бабок отваяют, что только так их и везти. Или на самосвале. Может, придется не один рейс сделать.

К сожалению, после часовой беседы с коллегой, несмотря на все приложенные усилия, я не смогла получить от нее никакой конкретной информации. Вероятнее всего, у нее самой этой информации не было – она просто собирала сплетни и слушала жалобы художников.

Андрюше я тем не менее про разговор с дамой из нашего холдинга рассказала. Он пожал плечами и, в свою очередь, сообщил мне, что один из его коллег был сегодня с утра в галерее, с Аллой свет Николаевной беседовал. Она подтвердила, что банкир был у нее в пятницу вечером. Правда, предпочла – если возможно, если возможно! – не раскрывать тему разговора. Виктор Анатольевич давний и ценный клиент, известный в городе коллекционер. Он часто покупает у нее и картины, и другие предметы старины. Они обсуждали одну вещь, давно интересующую Виктора Анатольевича, и Алла Николаевна очень не хотела бы упоминать эту вещь в частной беседе. Она, конечно, доверяет сотрудникам органов – полностью доверяет! – но в таких делах всегда следует сохранять тайну. А то предмет может увести другой коллекционер. К сожалению, такое уже случалось. И ей, к ее великому сожалению, приходилось убеждаться, что и стены ее любимой галереи – дела ее жизни! – имеют уши. Хотя, конечно, если потребуется, она обязательно раскроет секрет. И она уверена – абсолютно уверена! – что Виктор Анатольевич к смерти Ольги не имеет никакого отношения. Оленька была такая красавица! Как жаль! Как жаль! А вот братец Виктора Анатольевича... Алле Николаевне уже столько доводилось слышать про него... А сколько еще она не знает...

– Я так понимаю, что вы эту Аллу свет Николаевну решили пока оставить в покое? – уточнила я.

– Ну вообще-то нам от нее требовалось только подтверждение слов банкира, – протянул Андрюша, однако добавил, что его коллега, несмотря на то что Алла Николаевна очень старалась произвести на него впечатление светской дамы, эдакой интеллигентки в дцатом поколении, решил, что хозяйка галереи – этакая

хваткая прижимистая тетка, торговка по призванию, и не пропала бы и на одесском Привозе. Все витиеватые обороты речи – наносное, эта не упустит и копеечной прибыли.

– И вообще хозяйка галереи произвела на него... не самое благоприятное впечатление, – добавил Андрей. – И это еще мягко сказано. Прохиндейка.

– Хочешь сказать, что это как раз тот случай, когда статья дохода вполне может точно совпасть со статьей Уголовного кодекса?

Андрюша усмехнулся и попросил:

– Юль, наведайся туда как-нибудь, посмотри на картины и на то, что там еще есть.

– Как ты хочешь, чтобы я туда сходила? С Пашкой?

– Желательно.

– В парике?

– Нет, сходи в своем обычном виде. Интересно будет услышать твое мнение. А может, и разнюхаешь чего.

– Ладно. А что там с Григорием Петровым? Надеюсь, он протрезвел?

Григорий Петров не только протрезвел, но и накатал признание в совершенном убийстве. Я превратилась в вопросительный знак.

– Ага, – кивнул Андрей. – Пел ту же песню, что и банкир. В смысле про тот отрезок времени, когда они уже общались втроем...

– Так, а какого лешего он поперся в банкирский особняк?

– Хотел выяснить отношения.

– С кем?

– И с банкиром, и с Ольгой. Но Ольга в особняке оказалась одна, он решил, что так даже лучше, он попробует убедить ее вернуться к нему (хотя, по словам банкира, если помнишь, у них любовь была в первом классе), во время процесса убеждения вернулся банкир. Дальше – то же, что говорит Глинских.

– То есть однозначно берет убийство на себя?

Андрюша кивнул. Мы внимательно посмотрели друг на друга.

– И даже не пытается свалить на Глинских, – сказал приятель. – Совсем не пытается! Кстати, Глинских нанял братцу адвоката. Не своего обычного, но одного из лучших. Петрова уже перевели в «Кресты».

– Что-то говорил? Только не надо убеждать меня, что у вас не ведется работа по камере! – поспешила добавить я, пока Андрюша еще не успел открыть рот.

– Про любовь говорит. Про то, как убил девушку, чтобы она не досталась другому. Или мне – или никому, в таком роде. Ну просто Карандышев из «Бесприданницы».

Мы помолчали какое-то время, потом я спросила, что Андрюша думает про всю эту историю. Приятель тяжело вздохнул. Потом сказал, что Петров, скорее всего, отправится по этапу. Адвокат, конечно, попытается скостить срок – состояние аффекта и все в таком роде, потом, возможно, пойдет на условно-досрочное освобождение. Родная сестра и двоюродный брат помогут. Но...

– Ты считаешь, что убил банкир?

– Понятия не имею. Не исключаю. Но как доказать? Банкир утверждает, что убил кузен. Тот признается в убийстве. Что ты мне прикажешь делать?

Приятель помолчал и добавил:

– Девку-то все равно не вернуть. А красивая была...

– А если убил банкир, то почему?

– Ну... может, в самом деле состояние аффекта? Вернулся домой, а там любовница с братцем отношения выясняют... Юль, боюсь, мы правды никогда не узнаем.

В это мгновение в дверь кабинета Андрея постучали. Это принесли результаты вскрытия. Приятель поблагодарил и углубился в чтение, потом взялся за телефон и стал звонить эксперту, занимавшемуся трупом модели. Я превратилась в одно большое ухо.

Наконец приятель повесил трубку, потер лицо и посмотрел на меня.

– Ну?! – не выдержала я.

– Ты помнишь, что она ударилась виском? – спросил.

Я кивнула.

– Так вот, эксперт говорит, что ей по височку хорошо приложили чем-то тяжелым, плоским и железным – в месте соударения остались микрочастицы. Может, молотком, может, чем-то подобным... Не могла она о рояль так стукнуться. Обо что-то другое. И не она сама, а ее.

За полгода до описываемых событий

Николя, как художника, Петербург поразил. Хотя ему было не до достопримечательностей. Вначале следовало сделать дело. Будет сделано, появятся деньги, и уж тогда...

Хотя после Парижа Петербург казался дешевым городом. И даже со своими скромными доходами (не говоря уже про выданные двоюродным братом командировочные) Николя тут чувствовал себя если не миллионером, то обеспеченным человеком уж точно.

Первым делом следовало найти частного детектива. Это оказалось не такой простой задачей. Николя купил газету объявлений и выписал телефоны и адреса всех рекламируемых там агентств, предлагающих интересующие его услуги.

Француз стал обзванивать агентства. Потом решил, что лучше лично наведаться по адресам. В России ведь весьма своеобразная обстановка. А такие организации, конечно, проявляют осторожность. Род деятельности обязывает. А тут звонит человек с акцентом, иностранец. Николя много читал об отношении к иностранцам в советские времена и о том, как могли покарать за связь с ними. Времена изменились, но, может, боязнь до сих пор сидит в людях? Старые привычки и страхи всегда трудно изжить.

Но, с другой стороны, в России правит доллар. Николя считал: если он придет в агентство и покажет наличные (его правильно предупредили, что с кредитной карточкой тут делать нечего, тем более в таком деликатном вопросе), то местные частные детективы мгновенно бросятся выполнять его заказ, забыв об остальных.

Но не тут-то было.

В основном ему предлагали обеспечить его надежной охраной и показывали каких-то качков, которые нормальным людям могут присниться только в кошмарном сне. Предлагали быстро уладить отношения с клиентами. Причем в этих случаях обязательно тонко намекали на свое тесное знакомство и сотрудничество (на постоянной взаимовыгодной основе) с каким-нибудь воровским или криминальным авторитетом. Можно подумать, эти клички что-то говорили французам Николя.

Если агентство и выполняло собственно детективную работу, то специализировалось исключительно на неверных женах и мужьях (иногда разбавляя их неверными любовниками и любовницами).

Могли предложить подслушивающие устройства – как устаревшие, так и последние разработки. Предлагали установить их в любом офисе или квартире.

Николя потратил неделю, прежде чем нашел человека, который взялся за его дело.

За полгода до описываемых событий

Ганс Феллер взял с собой давних соратников – Вальтера и Ульриха. У Ульриха имелось большое преимущество – он говорил по-русски. Он был выходцем из ГДР и учил там русский в школе. В последние годы Ганс лично оплатил ему преподавателя, чтобы Ульрих вспомнил забытые слова и потренировался в языке. С материальным стимулом (хорошие проценты со всех сделок в России с его участием) Ульрих продемонстрировал удивительные достижения. В школе он таких никогда не показывал.

Сам Ганс Феллер тоже знал немало русских слов (список включал все матерные), но обычно пользовался услугами своего личного переводчика Ульриха. Хотя один из постоянных русских партнеров (старый еврей Аркаша) довольно сносно говорил по-немецки – умели же раньше учить! Вон как вдалбливали знания, до старости помнит! Да и вообще Ганс со старым ювелиром Мильцем часто понимали друг друга без слов, а цифры выбивали на калькуляторе.

– Мне нужны старые русские драгоценности, – объявил Ганс Феллер Мильцу. – Не подделка под старину. Настоящие. Царские. Княжеские. Графские. Что сможешь найти.

За полгода до описываемых событий

Американец китайского происхождения Франк Ли сидел на своей роскошной вилле. Он не был законопослушным гражданином, но за свою жизнь заработал не один миллион. Долларов. Возможно, и заработал потому, что никогда не был законопослушным. Ни в одной стране, где ему приходилось бывать и вести дела. Все дела Франка Ли пахивали криминалом. Вообще-то он уже заработал столько, что вполне мог бы всю оставшуюся жизнь выращивать цветочки у себя на вилле, но ведь если человек начал делать деньги, причем в этом преуспел, ему уже не остановиться. Как и если начал убивать. Франк Ли давно начал – и то и другое.

Почему-то ему сегодня вспомнился его предок, Ли Сунь. Рассказы о том, как тот добрался до Америки. И о том, как он выжил в океане без пищи и, главное, пресной воды. И о том, как его спасли рыбаки.

Но ведь драгоценности, фактически не имеющие цены, исчезли. Никто из других китайцев на судне не выжил. Это Франк Ли уже знал точно. Это проверил Ли Сунь еще много лет назад. Ли Сунь и другие родственники.

Предки не сомневались: драгоценности остались на судне и были доставлены в Россию. А потом в России началось светопреставление (именуемое Октябрьской революцией), последствия которого расхлебывали семьдесят лет, и туда долгие годы было не попасть.

Теперь все границы открыты. И сам Франк Ли уже несколько раз побывал в России. По другим делам. Надо бы заняться теми драгоценностями, которые уже столько лет считаются потерянными. Ведь никто, кроме китайцев, не знает их истинную цену.

Ведь где-то же они должны всплыть?

* * *

Высокая женщина тупо смотрела на экран телевизора. «Криминальная хроника» давно закончилась, но она не могла найти в себе силы выключить телевизор. Слезы катились по лицу.

Дождалась, называется. Ольги больше нет. И это – городская новость.

Но не из-за самой Ольги. Из-за банкира.

Сволочь! Подонок! И тут он важнее. Главнее. Сука!

А если?..

Совместить одно с другим? Шанс и месть? То есть, конечно, месть и шанс. Конечно, в таком порядке. Месть важнее.

Горькая сладкая месть...

Валера Серебряков по кличке Лис уже давно вел наблюдение за квартирой старого ювелира. Три месяца назад Валера снял комнату у одного алкаша в доме напротив. Тот жил в огромной коммуналке, в двух смежных комнатах, доставшихся ему от родителей. Все соседи были его собутыльниками, три комнаты в квартире пустовали, и на них не находилось желающих. Последний этаж, протечки, во время сильных затяжных осенних дождей даже приходится подставлять ведра и тазы. Кто ж поедет в такую квартиру? Только в одной комнате проживала непьющая бабка, но она с незапамятных времен занималась самогонварением, поэтому не имела дурной привычки лезть к незнакомым и малознакомым людям с расспросами. Ну поселился у Вовки какой-то мужик и пусть себе живет. Никого не трогает, днем сидит дома, может, спит – этого никто сказать не мог, на ночь уходит. Наверное, где-то дежурит. Одет небогато, да разве богатый станет снимать комнату в их квартире? Алкаши решили, что Валера недавно откинулся с зоны, но тоже не лезли.

Валере довелось дважды побывать у Хозяина. Отсидка часто, а то и всегда, оставляет на человеке печать. В особенности заметную тем, кто тоже когда-то побывал в местах не столь отдаленных. А среди обитателей огромной коммуналки и их частых гостей таких было несколько.

Валера со всеми здоровался при встрече, но о себе не распространялся, к другим в душу не лез, пару раз с ними выпил, причем оба раза обязательно проставлялся сам. Но поскольку пьянки обычно шли в вечернее и ночное время, а он в это время отсутствовал (уходил на квартиру к любимой женщине Леночке, о существовании которой обитатели коммуналки, конечно, не знали), то его больше и не приглашали.

И Валера спокойно наблюдал за старым ювелиром на протяжении светового дня. Потом наблюдать становилось невозможно: на ночь на окнах плотно задергивались шторы.

Старик жил один. Квартира была завещана единственному племяннику, который время от времени появлялся и пил с дядей чай. Правда, по пятам дяди и ряда других предков племянник не пошел и занимался коммерцией, причем довольно успешно.

Аркадий же Зиновьевич, как и его отец, и его дед, и прадед, был ювелиром. Правда, если быть честным, то ему было далеко до деда, не говоря про прадеда. С каждым поколением талант вроде как ослабевал. Возможно, его ослабляла другая кровь, вливавшаяся в семью. По крайней мере, ни сам Аркадий Зиновьевич, ни его отец не смогли создать ничего подобного шедеврам деда и прадеда.

Ювелир трезво оценил свои силы, прекратил попытки по созданию шедевров, за которые западные миллионеры готовы выложить свои миллионы, и занимался оценкой, ремонтом и, главное, переделкой одних ювелирных изделий в другие. Естественно, краденых. Чтобы потом хозяева их никогда не узнали.

Адресок Аркадия Зиновьевича Валере Лису был знаком давно, сам неоднократно в прошлом пользовался его услугами. До поры до времени. Потом Валера загремел на зону. Там у него было много времени на размышления, и после долгих раздумий он пришел к выводу, что оказался в холодных краях именно благодаря Аркадию Зиновьевичу.

Потом на ту же зону прибыл еще один человек из Питера, с которым Валера был шапочно знаком. После беседы с коллегой Валера убедился в своей правоте: он оказался третьим, кто был вынужден валить лес после общих дел с Аркадием Зиновьевичем – вместо того чтобы «чистить» квартиры, к чему имел призвание.

Аркадий Зиновьевич, как стало ясно, время от времени постукивал «кому следует». За это столько лет относительно спокойно сидел в своей старой квартире на Петроградской стороне, а не на жестких нарах. Вероятно, его когда-то на чем-то прихватили органы и поставили вполне определенное условие. На нары Аркадию Зиновьевичу совсем не хотелось, и он согласился. Это Валера мог понять. Конечно, старый ювелир сдавал не всех и не всегда. Да и среди сотрудников органов встречается немало умных людей. Они тоже понимали, что нельзя засвечивать такой ценный кадр. И сажать Аркадия Зиновьевича не надо. От него больше пользы на свободе.

Но Валере от этого было не легче. Из-за Аркадия Зиновьевича он потерял пять лет жизни. А пять лет на лесоповале идут за десять на свободе. Если не за пятнадцать.

Поэтому к Аркадию Зиновьевичу у Валеры Лиса имелись вполне определенные претензии. Он, так сказать, хотел компенсировать моральный ущерб материально. Конечно, утраченные годы компенсировать практически невозможно, но приходится идти на компромиссы. Валера ждал хорошего заказа Аркадию Зиновьевичу. Он прекрасно понимал: в квартире у старого еврея, наверное, есть тайники, с долларами и недавно введенными в обращение евро, а то и золотишком, пока все обнаружишь... Аркадий-то Зиновьевич не лох, знает, куда ни в коем случае не следует ничего прятать. И все равно нельзя было быть уверенным, что тайники именно в этой квартире. А вот краденое золотишко народ нес как раз сюда – на переработку. И небольшие партии временно находились у ювелира, пока он их не сдает в другие руки. Вот тут Валера как раз и нарисуеться. Его, конечно, интересовало не сырье.

Да еще и неплохо было бы посмотреть, не появится ли кто из знакомых ментов. Сам Аркадий Зиновьевич вообще почти не выходил из дома. Продукты привозил племянник.

Валера заранее вооружился биноклем и осматривал всех входящих в дверь подъезда, спрятанного за выступом. Дома в старой части Питера весьма своеобразные. Вход в подъезд Аркадия Зиновьевича располагался в третьем дворе, причем после того как выйдешь из-под арки, его не сразу и заметишь. Слева имелся выступ непонятной формы, у конца выступа стояли мусорные контейнеры. Чтобы попасть в подъезд, следовало обогнуть контейнеры, завернуть за выступ, и только там обнаруживалась дверь. Саму ее из комнаты Валеры было не видно, но он знал, что если кто-то появляется из-за мусорных контейнеров – значит, вышел. И если заходит за них и не выходит через минуту, облегчившись, – значит, вошел.

Вскоре он изучил всех постоянно проживающих в подъезде. Там на всех этажах, кроме первого, находились отдельные квартиры. Все трехкомнатные.

К другим жильцам гости ходили редко – бабушка приезжала к молодой мамаше сидеть с внуком, к парню лет пятнадцати шастали такие же подростки, бабки ходили к приятельницам в том же доме или приятельницы ходили к ним.

Практически все остальные посетители наведывались к Аркадию Зиновьевичу. Да Валера бы большинство из них и так узнал своим наметанным взглядом.

К сожалению, он не мог наблюдать за вечерними посетителями: для этого пришлось бы встать где-то во дворе, да и то не особо рассмотришь – при наступлении темноты двор погружался во мрак. Не горело ни одной лампочки, а жители почти всех квартир, за исключением алкашей, окна свои занавешивали: дома, составлявшие четырехугольник, располагались близко друг к другу, и в освещенных квартирах можно было бы все рассмотреть. С пятого Валериного этажа тем более не увидишь, кто в темноте ныряет из-под арки за выступ и мусорные контейнеры.

Более того, стоять во дворе было холодно. Да и где? Под аркой? Тоже свет не горит. У мусорного контейнера? Опять же не освещен. В подъезде сидеть? Подозрительно. Поэтому Валера и ограничился наблюдением в светлое время суток.

И был вознагражден. Явно не все граждане, посещающие Аркадия Зиновьевича, желали добираться к нему с ценным грузом в темное время суток по темному двору. В особенности те, кто прекрасно понимал, что как раз в это время часть их коллег выходит на промысел. И эти самые коллеги вполне могут быть в курсе, кто такой Аркадий Зиновьевич, кто к нему ходит и с чем. Сам Валера в свое время предпочитал посещать старого ювелира днем.

Он увидел нескольких старых знакомых, к одному даже хотел спуститься, но потом пресек этот порыв души – не следовало привлекать к себе лишнего внимания.

Валеру по-настоящему заинтересовали трое. Они появлялись в разное время, явно были людьми обеспеченными и не сдавали Аркадию Зиновьевичу краденое. Или, по крайней мере, так решил Валера.

Первый определенно был иностранец. У них какое-то другое, особенное выражение лица, резко отличающееся от нашего. И не эмигрант. Да, если наш человек долго живет за границей, то встретив его за границей, его иногда можно принять за иностранца – насобачится в языке, приобретет манеры, даже жесты, свойственные коренным парижанам или берлинцам. Однако по возвращении на родину многие совковые черты поведения оживают.

Здесь же определенно был «иностраный иностранец» – как назвал его про себя Валера. Родившийся за границей. В дорогом пальто, которое оставалось чистым,

несмотря на осеннюю грязь, но в не сочетающейся с ним меховой шапке, явно купленной в одном из наших магазинов, потому что «иностранный иностранец» приехал с голой головой. Буржуй вышел из-под арки, извлек из кармана какую-то бумажку и, сверяясь с ней, стал искать вход в подъезд. Видимо, ему все описали (или объяснили, а он записал сам) правильно, так как он обошел мусорные контейнеры и скрылся из виду. Валера Лис перевел бинокль на окна Аркадия Зиновьевича.

Вскоре тот же человек, уже без пальто (прихожую с места Валериного наблюдения было не видно), проследовал в гостиную и уселся в кресло, лицом как раз к Валере. Аркадий Зиновьевич, по своему обыкновению, сел спиной. Такие позиции Валеру прекрасно устраивали. Он умел читать по губам и его гораздо больше интересовало, что говорит посетитель, а не старый ювелир. Днем Аркадий Зиновьевич окна не занавешивал. Видимо, знал всех соседей в округе и не ожидал подлянки. Хотя на месте Аркадия Зиновьевича Валера бы подстраховался. Но... То ли старику хоть иногда хотелось видеть дневной свет, то ли за столько лет чувство опасности притупилось – раз дожил до старости и ни разу не побывал у Хозяина.

Иностранец, к большому удивлению Валеры, говорил по-русски, правда, далеко не всегда правильно произносил слова, не говоря уже про спряжение глаголов и употребление падежей. И фразы строил не совсем привычно. Ну что ж, встречаются и там знающие русский язык. Нам же легче.

Гость вспоминал свою прабабку, бежавшую от большевиков в начале двадцатого века. Как понял Валера, то ли дед, то ли прадед Аркадия Зиновьевича делал прабабке (или даже прапрабабке) гостя какие-то драгоценности. Потомок хотел, чтобы ювелир создал ему копии тех драгоценностей.

«Так, а оригиналы-то где?» – задался вопросом Валера. Или все продали в эмиграции? Кушать хотелось? Не до бриллиантов было? А изделия прадедушки Мильца сейчас можно продать за баснословную сумму... Валера специально это узнавал.

Значит, хитрый иностранец хочет получить копии, считая, что потомок дореволюционного ювелира унаследовал хоть часть таланта, а потом загнать их в своей Европе как оригиналы? И чтобы старина Аркадий Зиновьевич еще и подтвердил подлинность? Иначе зачем бы этот тип сюда приперся?

Тем временем Аркадий Зиновьевич встал из своего кресла, сходил в другую комнату и вернулся с каким-то старым, запыленным альбомом. Так, это еще что? Валера впервые видел альбом. Никакому другому посетителю Аркадий Зиновьевич его не демонстрировал, сам Валера, неоднократно сдавая старику краденое, тоже его не видел.

К своему большому сожалению, Лис не мог рассмотреть, что демонстрирует посетителю Аркадий Зиновьевич. Правда, поразмыслив, решил, что это рисунки, оставшиеся от предков. Иностранец-то пришел с пустыми руками. У него, значит, нет даже фотографий изделий. Хотя когда его прабабке было их фотографировать, если она драпала от крестьян и матросов, пожелавших взять власть в свои руки? Тогда в первую очередь спасали свою жизнь.

Иностранец провел у Аркадия Зиновьевича часа полтора, они пили кофе, а старикан кофием поил только самых ценных клиентов, потом, проводив гостя, Аркадий Зиновьевич долго в задумчивости сидел в кресле.

Валера точно знал, что шедевры своих предков (фотографии изделий Валера видел только в каталогах международных аукционов, которыми интересовался в силу профессиональной необходимости) Аркадий Зиновьевич скопировать не в состоянии. Если вообще кто-то в состоянии. Но ведь старый еврей не станет упускать прибыль? А иностранец пообещал ему немало.

У Лиса на мгновение мелькнула мысль проследить за иностранцем, потом он решил, что это ему ничего не даст. Он уже знает, зачем того принесло в Россию. Конечно, интересно бы выяснить точно, куда подевались оригиналы – продала их прабабка, не продала, украли, но зачем? Следовало понаблюдать за Аркадием Зиновьевичем и его дальнейшими действиями. Вот это на самом деле продуктивно.

Телефон у старого ювелира тоже стоял в гостиной, но разговаривал он всегда, сидя в кресле, так что Валера, к его великому сожалению, не мог знать, когда и кому он звонит, а возможности установить «жучок» у Лиса не было. Да и «насекомых» не водилось.

Однако в тот же день ближе к вечеру, но еще при свете дня (к радости Валеры) к Аркадию Зиновьевичу прибыла одна известная сучка – владелица художественной галереи Алла Николаевна, не брезговавшая ничем, что сулило

прибыль. Правда, для всех милая дама пыталась создать образ светской леди, коренной петербурженки, прекрасно образованной интеллигентки и все такое прочее.

На самом же деле, как знал Валера, родилась она недалеко от Рязани, окончила восемь классов, потом училище, в котором освоила профессию вышивальщицы, и вскорости загремела в места не столь отдаленные, поскольку стала весьма своеобразно применять на практике полученные в училище знания. Молодая специалистка подалась в Москву, где впаривала иностранцам вышитые ею платочки и полотенца. В те годы любые контакты с иностранцами не приветствовались, их, конечно, с умом можно было поддерживать, но девочка из-под Рязани к девятнадцати годам ума еще не поднабралась, ей просто хотелось денег и уехать за границу. Получилось только на Восток родной страны. Вернее, на северо-восток, где она применяла часть полученных в училище знаний, правда, не в вышивании, а просто шитье – в течение трех лет шила рукавицы.

Вместе с нею рукавицы шила одна известная фарцовщица из Ленинграда, попавшаяся на антиквариате. Они подружились и решили, что их сотрудничество по окончании срока может стать взаимовыгодным. Какое-то время обе (а освободились они практически одновременно) жили у матери Аллы Николаевны под Рязанью, потом перебрались в Ленинград. Видимо, благодаря старым связям «антикварки», которая на судебном процессе никого не сдала. Алла Николаевна быстренько выскочила замуж за какого-то придурочного искусствоведа и получила ленинградскую прописку.

«Антикварка» вскоре снова загремела к Хозяину, а Алла надолго затихарилась. Но, как выяснилось, времени зря не теряла, а занималась самообразованием. Изучала не положенные в те годы марксизмы-ленинизмы и научные коммунизмы, а историю искусства, выжимая из своего искусствоведа все, что тот знал, потом штудировав в библиотеках какие-то книги. А с началом перемен в стране развернулась.

Следует отдать должное Алле свет Николаевне, она в своем деле разбиралась. Разбиралась и в картинах, и в вазах, и в мебели, и в иконах. Если чего-то не держала в голове, знала, в какую библиотеку или архив отправиться, чтобы получить нужную справку. Понимала, из какого начинающего художника может получиться толк. Следила за западным рынком и ориентировалась, что туда следует отправлять, в каком количестве и за какую цену.

И, главное, прекрасно разбиралась в людях. Кого можно обмануть, кого нельзя ни в коем случае. Кому следует заплатить даже лишнее, а кому можно бросить крошки с барского стола или вообще ничего.

Со своим искусствоведом Алла Николаевна давно развелась, он тихо спился. Спала она только с нужными людьми. Никого никогда не любила, за исключением себя, естественно. Детей не имела.

С Аркадием Зиновьевичем они познакомились давно. Не могли не познакомиться. Питер-то – город маленький, а те, кто работает на одном рынке (или соседних рынках), просто не могут друг друга не знать.

И вот вскоре после визита иностранца к Аркадию Зиновьевичу пожаловала именно эта дама. Была несколько возбуждена. Еще больше возбудилась, выслушав Аркадия Зиновьевича. В особенности после просмотра альбома. Хотела было забрать его с собой и снять ксерокс (как прочитал по губам Валера), но Аркадий Зиновьевич наотрез отказался. Как знал Валера, у галеристки и без того великолепная зрительная память. В курсе этого был и Аркадий Зиновьевич. Алла Николаевна надулась, но отправилась восвояси. В задумчивости.

Через неделю она появилась вновь. К счастью для Лиса, села так, что он опять мог читать по губам.

Она сообщила Аркадию Зиновьевичу, что один ее постоянный клиент хочет оценить кольцо, сделанное прадедом Аркадия Зиновьевича.

Они снова смотрели альбом.

На следующий день прибыл молодой холеный мужчина, чем-то показавшийся Валере знакомым, только он сразу не узнал его. Не мог вспомнить, где видел. Но видел определенно.

Мужчина явно оказался во дворе впервые, но нужный подъезд быстро отыскал. Его Аркадий Зиновьевич тоже поил кофе и чуть ли не сдувал пылинки.

После ухода мужчины стал кому-то звонить и был настолько возбужден, что даже не сел в кресло и не отвернулся от окна.

Звонил Аркадий Зиновьевич некоему Николя и сообщал, что одно из колец его прабабушки всплыло в Санкт-Петербурге и Аркадий Зиновьевич вот только что видел его своими глазами и держал в руках.

Как понял Валера, Николя собрался сам снова прибыть в Петербург.

«И как бы мне влезть в это дело?» – подумал Лис.

Размышлял долго, он всегда тщательно планировал все операции. Потом решил, что вначале следует выяснить, что за мужик принес Аркадию Зиновьевичу кольцо. И откуда оно у мужика взялось. Может, еще есть что-то интересное?

Валера, как человек, серьезно подходящий к своей работе, решил отправиться в библиотеку.

Изучив подшивки «Делового Петербурга» и «Невских новостей», еженедельника, широко освещающего разные стороны жизни города, в частности криминальную и светскую, Валера выяснил, что к Аркадию Зиновьевичу с кольцом, сделанным его прадедушкой, приходил известный в городе банкир Виктор Анатольевич Глинских. Один, без охраны.

Более того, Валера с большим интересом выяснил, что недавно в особняке банкира его двоюродный брат убил любовницу, известную модель. Мотивом убийства послужила обычная ревность. Девушка из двух братьев выбрала удачливого денежного банкира, а не мыкающегося между временными заработками Григория. Правда, в статье известной журналистки Юлии Смирновой имелись и кое-какие намеки. Конечно, Смирнова не могла прямо написать, что не верит в данную версию, но Валера, выросший в советские времена, когда люди умели читать между строк, понял, что на самом деле хотел сказать автор, и догадался: дело нечисто. Смирнова явно знает больше, чем написала.

Вот только вопрос: что именно она знает? И где бы с ней встретиться? Не пойдешь же прямо к ним в холдинг и не скажешь: хочу, мол, увидеть журналистку. Наверное, многие хотят, не станут же там всем и каждому давать ее координаты. Можно, конечно, за ней проследить.

И Валера решил отправиться к зданию (адрес указывался на последней странице еженедельника). Смирнову в лицо он узнает, а там будет видно. Найдет возможность подступиться.

За три месяца до описываемых событий

– Это все, что удалось выяснить, – сказал по телефону частный детектив после того, как прислал Николя отчет по электронной почте.

Так, что он тут нарыл? Особняк Беловозовых-Шумских национализирован, его занимает научное общество, потом он переходит в частные руки. М-да. И как же прикажете знакомиться с этим банкиром?

И ювелир нашелся. Адрес... Скупщик краденого. Немного переделывает изделия и перепродает. Связи в криминальных кругах. К нему часто обращаются темные личности.

Но если пойти и сделать заказ?

– Я бы не советовал вам иметь дело с этим ювелиром, – сказал частный детектив. – Это опасно для жизни.

– А с банкиром? – спросил Николя.

– Тем более.

За три месяца до описываемых событий

– Люди Франка Ли прибыли в Петербург, – сообщил Ульрих Гансу Феллеру, с которым они жили в съемной квартире на Московском проспекте.

– Ты выяснил, зачем?

– Искали китайцев, которые учатся в Петербурге.

– Чему учатся?

– По-моему, это не имело значения. Им требовались китайцы, хорошо владеющие русским языком. Ты же прекрасно знаешь, Ганс – Франк Ли доверяет только своим.

Ганс Феллер кивнул. С Франком Ли их неоднократно сталкивала жизнь, и они неоднократно уводили друг у друга из-под носа всевозможные раритеты. А раз люди Франка Ли появились тут...

– И что они сделали с китайскими студентами? – спросил Феллер.

– Отправили по библиотекам.

– Зачем?!

– Читать книги. На русском. И какие-то старые газеты. Очень старые.

Ганс Феллер долго думал, потом посмотрел на Ульриха.

– Думаю, друг мой, тебе придется прочитать те же книги и газеты. Дашь библиотекарям денег, они тут очень мало получают, и выяснишь, что брали узкоглазые. Библиотекари не могли их не запомнить, не поинтересоваться хотя бы из любопытства.

– Ганс, ты с ума сошел! Ты знаешь, когда я в последний раз был в библиотеке?

– В русской, подозреваю, вообще никогда. Но это нужно для дела. Я оплачу тебе каждый день по двойному тарифу. За вредность. – Ганс Феллер расхохотался.

– Но китайцев было трое, а я один!

– Ульрих, я верю в тебя! В твои возможности! Разве ты один не переплюнешь трех китайцев? По-моему, ты стоишь десяти!

Ульрих гордо расправил широченные плечи и провел ладонью по крашеным волосам.

За три месяца до описываемых событий

Наконец подчиненные смогли отчитаться перед Франком Ли.

Ответственный за операцию решил не обращаться к русским частным детективам, потому что детектива нужной квалификации было не найти. Да и зачем давать кому-то лишнюю информацию? Конечно, члены банды потом заткнули бы ему рот, но ведь у каждого русского такой большой круг общения... Мало ли кому и что детектив успел бы растрепать. Всех не заткнешь.

Вместо этого ответственный решил найти своих соотечественников, обосновавшихся в Санкт-Петербурге и выучивших русский язык. Франк Ли инициативу одобрил. Он всегда больше доверял соотечественникам, пусть и разбросанным по всему миру. Китаец в России – все равно китаец. Как и в США. Как и в Африке. Где угодно.

Посетившие библиотеки соотечественники выяснили, что на судне, с которого удалось скрыться его предку Ли Суню, команда состояла в основном из беглых каторжников или лиц, имевших проблемы с законом.

Капитан корабля был бабник и ушел в море, чтобы скрыться от преследований разгневанных мужей тех женщин, которых совратил. Таковых набралось многовато, среди них нашлись высокопоставленные лица.

Помощник капитана был алкоголиком. Его списали на сушу с военного корабля. Он пристроился на торговый, потому что морское дело знал и в случае крайней необходимости, аврала, даже мог продержаться без водки.

Еще там был молодой авантюрист, жаждущий приключений. Проблем с законом он к моменту отплытия не имел, но дома ему было скучно.

В Россию из того плавания вернулись члены команды и молодой авантюрист. Куда делись капитан и первый помощник, выяснить не удалось. Или пока не

удалось.

* * *

«Как все-таки выйти на Смирнову?» – думала высокая женщина. В конце концов решила: надо переждать. Пусть все успокоится, страсти улягутся. Она и так ждала три года. Подождет еще. Шанс представится. Ведь ей еще требовалось обезопасить себя и родных.

Глава 4

Про дело об убийстве модели все вскоре забыли. Есть признание, есть свидетель, зачем ломать голову, кому нужны тонкости? Григорий Петров отправился под суд, получил пять лет строгача и отбыл в Архангельскую область. Никто из моих знакомых из органов, связанных с делом, про него не вспоминал. Спихнули и ладно. Других полно. Но мне оно почему-то не давало покоя. Только я не знала, что предпринять. Да и, признаться, все это время была страшно занята. Моталась с происшествия на происшествие, которыми мы занимали не только «Криминальную хронику», но и половину выпусков ежедневных «Новостей». Весело жил город, ничего не скажешь. Наш главный редактор, старая лесбиянка Виктория Семеновна, искренне радовалась: убивали с изюминкой. То, что надо зрителю и читателю, который, по ее мнению, хочет секса и крови. И секса, и крови, и «изюминок» было, по-моему, даже с избытком. Но опять же, есть из чего выбирать.

Наконец удалось выкроить свободную вторую половину дня, и я решила отправиться к матери Гриши Петрова. Пашку оставила в машине в компании с пивом, чтобы не скучал, сама поднялась наверх. Заранее не звонила – ведь по телефону проще всего отказать, а когда я стою под дверью...

Гришина мать дверь мне открыла. С момента нашей прошлой и единственной встречи она здорово сдала.

– Проходите уж, раз приехали, – сказала. – А где ваш парень? Ну тот, который снимает?

– Я не для официальной беседы. Я просто хочу с вами поговорить, если согласитесь.

Она как-то неопределенно пожала плечами и пригласила меня в кухню.

– Ну спрашивайте, – вздохнула.

– Вы верите в то, что ваш сын совершил убийство?

Она долго молчала, потом посмотрела на меня.

– А вы? – спросила.

– Нет. Хотя я его и не знала лично.

– А Витьку знаете?

– Доводилось общаться, – уклончиво ответила я. Я ведь общалась с банкиром у него в особняке? Правда, это был первый и последний раз. Кассету он у меня больше не просил. Мать Григория от записи тоже отказалась, как мне передал адвокат, с которым я была знакома и которому ее предлагала, вспомнив про просьбу матери Петрова. Адвокат сказал мне, что «вопрос решен к всеобщему удовлетворению». Я решила не лезть к нему с расспросами. Хитрый жук все равно ничего не скажет.

Мать Григория тяжело вздохнула.

– Гриша же признался. – Она опять вздохнула.

– А вам он что-нибудь сказал? В тот вечер, когда вернулся?

Она долго молчала. Потом вдруг заплакала.

Я вскочила, обежала стол, обняла пожилую женщину за плечи. Плакала она долго, успокаивалась еще дольше. Я накапала ей корвалолу, который стоял на кухонном столе, потом сама заварила чай.

– Ты чего вообще сделать хочешь? – наконец спросила она меня, называя на «ты». – Гришку из зоны вытащить? Так не согласится он.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Ну ты сама подумай, если он уже все подписал и... решил. Ради нас с сестрой. – Женщина опять утерла слезы. – Не знаю я, кто Ольгу на самом деле убил! Не знаю! Может, и Гриша ее толкнул. Может, и Витька. Может, дрались они, а она влезла. Говорила я Гришке: забудь ты о ней! Забудь. Выбери себе кого-нибудь попроще. Куда тебе эта... модель? – Она произнесла слово «модель» так, что оно прозвучало, как «шлюха». – И вот теперь...

Она махнула рукой.

– Виктор дал вам денег?

Женщина кивнула:

– И Гриша сказал: все будет хорошо, мама. Ты не волнуйся. А как мне не волноваться?! Как он там, на севере-то?! Хотя обещал Витька его побыстрее вытащить... И сама я на свидание обязательно поеду. Витька дорогу оплатит.

Она помолчала, утерла снова выступившие слезы.

– Да все я понимаю... Гришка у меня – золотой парень. Ведь иначе бы... Катерина, дочка, работу бы потеряла. И на что бы они жить стали? У нее ж детишек двое, а муж-то постоянно не работает. Вообще не понимаю, чем он занимается. Как ни приеду в гости – сидит за своим компьютером. А дети – за своими. Что за жизнь? А Катерина работает от зари до зари. Сама знаешь, сколько все сейчас стоит. Вы-то учились – все образование было бесплатное, и медицина бесплатная, а сейчас за все платить надо. Ну и Грише Витька... Юль, скажи, это правда, что сейчас за деньги в тюрьме сидят? Что люди сейчас и так на жизнь зарабатывают?

– Слышала про такое, – уклончиво ответила я.

– Вон как, значит, повернулось. – Она покачала головой. – Мерзавец на свободе гуляет, по кабакам шляется, а хороший человек баланду хлебает, потому что ему работу не найти?

В конце речи уже полностью успокоившаяся мать Григория сказала мне, чтобы я лучше ничего не расследовала. Так решил Гриша. Но мне все равно сказала спасибо.

На всякий случай я оставила женщине все свои телефоны.

* * *

Пашка в машине уже лыка не вязал, и я повезла его домой, размышляя над сложившейся ситуацией. Я знала точно, что Ольгу убили не случайно: эксперт-то не дурак, определил, что ей шарахнули чем-то по виску так, как случайно не шарахают. Наверное, банкир. В присутствии Гриши? С другой стороны, какая разница?! Ее ведь в самом деле не вернуть. А Гриша принял решение. Куда же я влезаю-то? Наверное, об этом деле лучше забыть.

На следующий день, когда я в очередной раз выволакивала любимого оператора из машины, чтобы тащить в квартиру, ко мне подошла высокая светло-русая женщина лет тридцати пяти – тридцати семи на вид, с короткой стрижкой, и предложила свою помощь. Мне она (или скорее что-то в ее облике) почему-то показалась знакомой. Но, пожалуй, с ней мы раньше не пересекались. Я запомнила бы ее из-за роста.

– Вы кто? – спросила я. – Если хотите что-то продать – не покупаю.

– Вы ведь Юлия Смирнова?

Я тяжело вздохнула. Теперь нигде появиться нельзя.

– Что вы хотите? – устало спросила я.

– Я – сестра Ольги Симашковой, – представилась женщина, – убитой Виктором Глинских. Я хотела с вами поговорить. Не знала, как до вас добраться. Потом случайно выяснилось, что одна моя подруга живет в этом доме. – Она кивнула на

тот, что стоял параллельно Пашкиному. – Она часто видит, как вы оператора доставляете домой. Я решила вас тут поймать. Так я вам помогу?

Я кивнула и поняла, почему женщина показалась мне знакомой. Я же видела много фотографий Ольги. Сестры были похожи. Мы вместе довели Пашку до квартиры, там я уложила его спать, вначале позаботившись о драгоценной камере. Потом мы вместе с Александрой, как представилась сестра Ольги, прошли на Пашкину кухню, где резвились тараканы, которых не берет никакой «Комбат».

– Давайте тут посидим, – предложила я.

– Как скажете, – ответила Александра.

Я вопросительно посмотрела на нее.

– Я знаю, что вы вчера были у Гришиной матери, и знаю, о чем вы говорили, – объявила Александра.

– И знаете, что она мне сказала?

– Да. И я понимаю Гришу... Он любит мать и сестру. Но я тоже люблю своих родителей и любила Олю. И я не намерена оставлять это дело.

– Что вы хотите? Отомстить Глинских? Тут я вам не помощница. И вам не советую даже пытаться. Вполне можете оказаться там же, где и Григорий. Думаете, это обрадует ваших родителей после потери одной дочери? Послушайте меня, Александра: Ольгу уже ничто не вернет! А у органов есть подозреваемый, вернее, уже осужденный, приличная версия, которая всех устраивает, и масса другой работы. Так кто будет жилы рвать?

– А вам разве неинтересно узнать, за что ее убили?

Я внимательно посмотрела на сидевшую напротив меня женщину. У нее не было точеных Ольгиных черт, но сходство ясно проглядывалось. И у этой многовато мелких морщин... Возможно, они появились после смерти сестры.

– Признаю, задавалась этим вопросом, – сказала я.

Александра открыла довольно вместительную сумку и извлекла из нее какую-то старую книгу. Протянула ее мне:

– Взгляните.

– Что это?

– Книга из библиотеки Глинских, доставшейся ему вместе с особняком, а раньше числилась за научным обществом. А до этого была в собрании семьи Беловозовых-Шумских. Это владельцы особняка, который сейчас занимает банкирская рожь. Они эмигрировали из России незадолго до революции. В Россию не вернулись. Остались во Франции. Их потомки до сих пор там живут.

Я вопросительно посмотрела на Александру. Она явно сообщила мне не все. Да и при чем тут книга? Глинских что, убил Ольгу из-за книги? Убить, конечно, могут и за пять копеек, но все же не банкир.

Я взяла книгу в руки, открыла. Она называлась «Петербургские тайны», была издана в конце девятнадцатого века.

Я бегло пролистала ее. Тут же захотелось прочитать. Представляю, как возбудился бы Ленка Измайлов, который в нашем холдинге занимается паранормальными явлениями. В книге рассказывалось о привидениях, которые живут в разных домах Петербурга, о старинных кладях, о которых ходят тайны, о местах, которые приносят удачу, приметах, связанных с разными точками нашего города.

– Хотите почитать? – вернула меня к действительности Александра.

Я кивнула.

– Возьмите. Мне самой было очень интересно, признаться. Хотя читать нелегко – все эти яти, твердые знаки, и язык какой-то... не наш. Мы сейчас так не говорим. Но вы справитесь.

Она помолчала немного и добавила:

– Откройте страницу двести третью. Ее прочитайте сейчас.

Я открыла. Там начинался раздел, посвященный графам Беловозовым-Шумским. И не мистической истории, а тайне, связанной с покинутой ими во время войны с Наполеоном усадьбой на пути к Москве. Говорилось об исчезнувших драгоценностях. Никто так и не узнал, куда они подевались. То ли графиня их продала задолго до 1812 года, то ли куда-то хорошо спрятала до наступления французских войск, а племянница зря не осталась за ней наблюдать, пока тетушка не закончила все закапывать... Мало ли сколько ям старуха могла выкопать в разных местах сада. Или заметила племянницу и все перепрятала? Но факт оставался фактом: сокровищ не нашли. Однако легенда сохранилась и даже нашла отражение в печати.

– Если это попадет в руки наших черных археологов, то территорию усадьбы перероют вдоль и поперек на пять метров в глубину, – заметила я. – В особенности если есть шанс найти старинные драгоценности... Они ценятся очень высоко.

– Вот именно, – кивнула Александра.

– И вполне уже могли перекопать.

Она опять кивнула.

– Во-первых, что вы хотите от меня? – спросила я. – Во-вторых, почему вы уверены, что Ольга погибла из-за этой книги? Вы ведь так считаете, если я вас правильно поняла?

Александра молчала какое-то время, потом достала из сумки сигареты, предложила мне. Я сказала, что не курю. Она затянулась, посмотрела в немытое Пашкино окно.

– К счастью, родители в Ольгину комнату не заходили после... Ну вы сами понимаете. Они в жутком состоянии. Но вещи-то разобрать надо... Я хочу туда переселиться, чтобы у дочери была своя комната. У меня девочка десяти лет, –

пояснила Александра. – Мужа нет. И не было. Я родила в двадцать семь, поняв, что замуж не выйду. Попадались какие-то маменькины сынки, считающие себя подарками. Я как подумала, что будет у меня такой подарок, а в придачу к нему еще и мамочка, указывающая, как ее сыночка кормить, что ему в какое время подавать... Тьфу! В общем, я решила родить ребенка и жить в свое удовольствие. Что и делаю.

Я слушала внимательно. С «подарками» мне самой доводилось встречаться неоднократно.

– Вы еще не сталкивались с тем, когда мамочки тебя хотят демонстрировать всем своим знакомым, как экзотическую зверюшку. Когда тобой хвастаются. «Вот это Юлия Смирнова, которая ведет «Криминальную хронику». Да, они сейчас встречаются с Сашенькой (Петенькой, Вовочкой)». И еще говорят, что ты обязательно сегодня должна быть у них в гостях, потому что мамочка пригласила какую-нибудь Марьиванну и я поставлю мамочку в неловкое положение, если не приду и не приду вовремя и буду говорить не то. Мамочка указывает, что и как я должна говорить. А Марьиванна, видите ли, хотела на меня посмотреть, задать мне несколько вопросов и сказать, как нужно вести «Криминальную хронику».

Александра расхохоталась. Даже на глазах выступили слезы.

– И что вы в таких случаях делаете? – спросила.

– Просто не связываюсь с подобными «подарочками». Стараюсь сразу же выяснить, имеются ли у поклонника родители в наличии, как далеко находятся и участвуют ли в жизни сына.

Обстановка между нами разрядилась. До этого хмурая Александра стала хоть иногда улыбаться. Мы поняли друг друга.

– В общем, я живу с родителями, которые уже не молоды и имеют достаточно червяков в голове, дочь, которая скоро войдет в переходный возраст, если уже не вошла в связи с акселерацией, и... Ольга жила с нами. Квартира трехкомнатная. В одной комнате родители, в проходной с телевизором. В дальней, с балконом, мы с дочерью, в единственной изолированной жила Ольга. Родители с утра до вечера тупо сидят перед телевизором, но, по-моему, ничего

не видят, я их до сих пор каждый день корвалолом отпаиваю...

Лицо Александры стало жестким. Она помолчала и продолжила свой рассказ:

– Ну так вот. Я набрела на эту книгу. Она не наша, я сразу поняла. Я ведь перечитала все, что у нас было, – за исключением научных книг родителей. А уж старинные – все наперечет. Ольга же всегда читала мало. В основном «Космополитен» и «Мари Клер».

Я невольно вспомнила слова банкира про «Куручку Рябу», но Александре ничего говорить не стала.

– Но, может, ее заинтересовала тема... – высказала предположение я.

– Самой Ольге никогда бы не пришло в голову лезть в библиотеку. Тем более смотреть старинные книги. Еще журналы мод... Да, она много рассказывала про банкирский особняк. Но библиотеку даже не упоминала. Охала, вспоминая статуи, вазы, сервизы. В картинах она никогда не разбиралась, хотя и шлялась с Виктором по всяким вернисажам. Да и семья наша всегда занималась искусством. И родители, и я. Но только не Ольга, хотя ее и пытались с детства приобщать к прекрасному. Картины в банкирском особняке упоминала, однако не могла даже сказать, чьи они. Только что все стены увешаны. Но про книги не говорила вообще! Слушая Ольгу, я, например, сделала вывод, что банкир к чтению относится точно так же, как и она. Ну, может, читает по утрам курс доллара и биржевую котировку акций. И все. Я не могла предположить, что у банкира в особняке есть библиотека, да еще и такая. Вы, кстати, знаете о ней?

– Я ее видела, – ответила и вдруг задумалась.

– Что вы замолчали? – заинтересованно посмотрела на меня Александра.

– Для него это – не библиотека, а предмет интерьера. Модно. Престижно иметь старинные книги. Они дорогие, это не детективы в тонких обложках, которые люди читают в метро. Там нет ни одного современного издания. Я специально смотрела. А почему вы решили, что книга из его библиотеки?

– Навела справки. Александра, по ее словам, очень удивилась, найдя «Петербургские тайны» у Ольги. Поскольку в последнее время сестра общалась с банкиром, то Александра решила плясать от этой палки. Да и у предыдущих поклонников Ольги таких книг просто быть не могло. До банкира она встречалась с молодыми парнями, у которых извилины в голове отсутствуют напрочь. Глинских хоть головой умеет работать – раз создал банк и столько лет успешно работает, а самого Виктора Анатольевича еще никто не пристрелил и даже не пытался.

Александра знала, что Глинских приватизировал особняк, в котором раньше размещалось научное общество. Поскольку их с Ольгой родители всю жизнь прозанимались научной работой, Александра без труда разыскала среди их знакомых людей, в том обществе состоявших, встретила с двумя дамами преклонного возраста. Дамы ее интересу не удивились – знали про гибель сестры (кстати, из моих репортажей), причем в особняке, в котором проработали немало лет.

Эти дамы и рассказали Александре про графов Беловозовых-Шумских и про то, что от них осталось, в частности про библиотеку.

– А осталась не только библиотека?

– Часть мебели. Банкир ее, наверное, отреставрировал – или так оставил. Я не знаю, Юля. Я ведь ни разу не была у него в особняке, это вы там были.

Но я не ходила по всему особняку, да и в тех помещениях, куда заходила, мебели было не очень много. Хотя... книжные шкафы. Рояль...

В общем, дамы из научного общества поведали Александре, что в свое время многие сотрудники научного общества с интересом читали книги графов Беловозовых-Шумских. Им не разрешалось выносить их из особняка, но работой они не были завалены. Вместо того чтобы вязать, часть сотрудниц с удовольствием читали дамские романы девятнадцатого века, которые, по всей вероятности, остались от графини, и историческую литературу, которой, видимо, увлекался граф.

– Одна из них упомянула «Петербургские тайны», – сообщила мне Александра. – Они на нее в свое время произвели большое впечатление. Тем более там

рассказывалась история владельцев особняка, в котором они работали, хотя клад зарыт и не в Петербурге. То есть это точно книга из библиотеки графов Беловозовых-Шумских. Но меня мучил вопрос: как до книги добралась Ольга? Зачем она вообще сунула нос в библиотеку? Почему она, если вдруг вздумала что-то читать, взяла ее, а не дамский роман?

– Простите, Александра, но сам банкир не произвел на меня впечатление идиота. Она читает не только курс доллара и биржевые котировки...

Александра подняла руку. Я замолчала, не закончив фразу.

– Я навела справки и про банкира. У матери Гриши. Мы с ней несколько раз встречались. Горе-то в некотором роде общее... Хотя она и не одобряла Ольгу, но наши близкие пострадали в одной истории и, как мы считаем, от одного человека. Банкир читает детективы. Криминальную хронику. Может, эти книги где-то скрыты.

Я кивнула. На третьем этаже особняка я не была. Там вполне могут быть личные покои банкира.

Мать Гриши сказала Александре, что в детстве и ее сын, и племянник очень увлекались приключенческой литературой, а в последние годы Виктор несколько раз хвастался, что знаком с несколькими известными петербургскими писателями и у него в библиотеке стоят книги с их автографами. Все авторы специализируются на детективном жанре.

– Хотя и наличие в доме книг с автографами писателей – не факт, что хозяин их читал, – ехидно заметила Александра.

Как я поняла, Глинских она терпеть не могла.

Она помолчала, размышляя о чем-то.

– Я не думаю, что Глинских читал, например, старые книги по истории, – наконец сказала Александра. – Это ведь даже не исторические романы, а серьезные исследования. Да, еще что-то там было по православию. А он если и ударился в религию, то только следуя моде.

– То есть вы хотите сказать, что Глинских даже не знал, что у него эта книга есть, – кивнула я на толстый том, лежавший между нами на столе.

– Думаю, нет.

– Тогда опять вопрос: почему Ольга полезла в библиотеку?

– Вот-вот. Я никак не могла найти ответ. До недавнего времени.

Я вопросительно посмотрела на собеседницу.

– Ольге звонили из Франции.

Я открыла от удивления рот.

– Некий Николя, который довольно прилично говорит по-русски. С акцентом, с ошибками, но понятно. Этот самый Николя в ближайшее время «снова собирается в Петербург». Это его слова.

– Как я понимаю, от вашей сестры вы про этого человека никогда не слышали?

– Даже не подозревала о его существовании.

– И что он хотел?

– Вначале он был шокирован, узнав, что Ольга умерла. Я просто сказала, что она умерла... Не объясняла как и где. Потом, когда немного оправился, заявил, что у Ольги должна была остаться его книга. Я спросила: «Какая?» Он ответил, что о тайнах Петербурга и что он по приезду в Россию хотел бы получить ее назад.

Мы помолчали, глядя в глаза друг другу.

– Чем закончился разговор? – поинтересовалась я.

– Я ответила, что ни про какую книгу не знаю. Он же попросил ее поискать в Ольгиных вещах и сказал, что позвонит мне, когда приедет в Петербург.

– Вы считаете, что Ольга взяла... – я подбирала слово – книгу по просьбе... или по заказу француза?

– Давайте называть вещи своими именами, Юля. Я считаю, что Ольга сперла «Петербургские тайны» у Глинских для Николая.

Я задумалась, потом спросила, чем он мог привлечь Ольгу. Деньгами?

– И деньгами тоже. Но она давно мечтала поехать работать в Европу, лучше во Францию. Ведь устроились же там некоторые наши модели. Ольга растаяла: как же – и ей попался свой Ален Делон, который не пьет одеколон и даже говорит по-французски. Возможно, француз нашел ее слабое место, обещал помочь с работой. В качестве платы за посреднические услуги попросил раздобыть книжку. Но это все мои догадки, Юля.

Я почесала щеку.

– Ольга погибла, когда отправилась в дом банкира в его отсутствие... – медленно произнесла я.

Мы опять встретились взглядами с Александрой.

– Не исключаю, что она отправилась искать еще одну книгу, – сказала сестра погибшей модели. – Может, Ольга просто хотела посмотреть, какие еще книги стоят в той библиотеке. Если есть спрос... Может, она уже с кем-то другим договорилась.

– Она была способна на подобное?

– Конечно, о мертвых или хорошо, или никак... Но... да, Юля, она была способна.

– При чем тогда здесь Гриша Петров?

– Ольга могла его использовать. Взять с собой помощником. Ну а потом вернулся Виктор, застал их. Врезал Ольге. Предложил сделку Грише. Тот согласился. Гриша был в нее безнадежно влюблен. Много лет. Она его использовала.

Я задумалась. Александра молча курила. Потом я опять спросила, что она хочет от меня.

– Пойдемте со мной на встречу с французом Николя. Я обязательно хочу с ним встретиться. Выяснить, что возможно. Но я... побаиваюсь. Честно. Даже не за себя. Не хочется мне оставлять сиротой мою девочку. Да и родители не переживут. А дело-то явно опасное.

– Если банкир убил Ольгу из-за этой книги. – Я кивнула на лежавший между нами фолиант.

– Но вы сходите со мной?

– У меня к вам встречное предложение. Вы ему о моем существовании упоминать не будете. И я не буду сидеть с вами за столом – или на скамеечке, или где вы там будете встречаться. Этот вопрос я обмозгую. Но я буду рядом. С оператором.

– А на вашего оператора можно положиться? – с беспокойством спросила Александра. Хотя, конечно, какое у нее могло сложиться мнение о Пашке?

– За него не волнуйтесь. Его я беру на себя. Прослежу, чтобы ни капли в рот не взял. Вообще он – замечательный. Вы же знаете, что все классные русские мужики водят дружбу с зеленым змием? Ну такие они у нас. А он еще и творческий человек, и классный оператор. Но давайте вернемся к делу. Мы с Пашкой заснимем вашу встречу с французом. Место или – лучше – возможные места встреч я вам назову. О них мне еще надо с Пашкой посоветоваться. Вам дам диктофончик. Все запишите. Пока и вы, и я подумаем, какие вопросы следует задать французам. А от этого уже будем плясать.

– А с Гришей вы можете встретиться?

– Если б вы раньше сказали... Теперь его уже отправили по этапу в Архангельскую область. При желании, конечно, попасть можно. Но, думаю, вам это сделать легче, чем мне. Как любимой девушке напроситься на свидание. Только вначале надо бы письмами обменяться, и лучше несколькими. Но все равно это требует слишком большой работы. Стоит ли?

– А просто приехать и попроситься на свидание я могу?

– Ну, конечно, прийти к начальнику учреждения можно и слезы лить в кабинете. У начальника колонии есть часы приема родственников. Вы, во-первых, не родственница. И на начальника колонии не подействует тот факт, что вы приехали из Питера. Ваши проблемы. От вас могут потребовать справку от участкового, что проживали вместе. А Гриша ведь сидит за убийство вашей сестры. Поднимут дело – даже если вы и привезете справку, заплатив участковому бабки – а там... Не выйдет. Только если вы начнете переписываться, будет пачка писем... И то не факт, что вам дадут свидание. У меня тоже не получится. Во-первых, наш канал идет на Архангельск, в колонии могут знать мою физиономию, во-вторых, про меня без труда могут навести справки.

– А как журналистка?

– Тут же возникнет вопрос: чего это меня понесло в Архангельскую область? У нас в Ленинградской полно колоний, где люди по разным статьям чалятся.

– А почему Гришу туда отправили, а не у нас оставили?

– Колония строгого режима у нас одна, и она переполнена. Каждый год примерно полторы тысячи человек отправляют в другие регионы, чаще – в Архангельскую область.

– Ладно, тогда пока подождем с Гришей, – вздохнула Александра.

– Только не вздумайте его в письме прямо спрашивать о сестре, если все-таки надумаете ему писать, – предупредила я. Придумайте что-то... Так, чтобы только он понял. А не в лоб.

Александра улыбнулась.

Я оставила ей все свои телефоны, включая телефон соседок, которые у меня выступают секретарями, и предупредила, что им можно говорить все, что угодно. И если очень нужно со мной встретиться лично, то следует приезжать к одной из «секретарш» и ждать меня там. В холдинг могут и не пустить.

– А много народу к вам ходит? – поинтересовалась Александра.

– В холдинг? Немерено. Причем по всем вопросам – от отключения отопления до жалоб на соседку, которая водит к себе любовника и у нее во время встреч с ним сильно скрипит кровать. Причем дело происходит в старом доме, с толстыми стенами.

– Видимо, у соседей, которые слышат скрип, очень хороший слух?

– В особенности, если стеклянную банку к стене приставлять, а к банке – ухо, – заметила я.

Александра расхохоталась.

– А что хотела от вас жалобщица с прекрасным слухом?

– Чтобы я сообщила жене любовника о его отвратительном поведении. Она и его адрес выяснила. Выследила мужика.

– Да что вы!

– Угу, – кивнула я. – Я посоветовала ей пойти в частные детективы. Отличная прибавка к пенсии.

На этом мы с Александрой квартиру Пашки покинули, я довезла ее до метро и порулила домой. Надо же мне хоть когда-то отдыхать? Правда, вместо отдыха полночи читала «Петербургские тайны». И думала об Александре. На ее месте я хотела бы отомстить. Глинских в первую очередь. Вероятно, только ему.

За три месяца до описываемых событий

– Наверное, тебе стоит вновь съездить в Россию, – сказал двоюродный брат Николая. – Отчет мы получили. Теперь нужно выяснять все на месте.

– К кому мне идти – к ювелиру или к банкиру?

– Начни с ювелира. Познакомься, прощупай почву.

– А потом?

– А потом познакомься с девушкой. Она ведь модель? Я специально тут кое-что прихватил у своих друзей. Смотри. Скажешь, что у тебя есть связи в модельных агентствах. Ты же видишь, сколько русских девушек приехало к нам? Конечно, модель захочет выступить на французском подиуме. Пообещай ей поговорить со знакомыми. Ничего не получится, так просто хорошо проведешь время. Русские женщины – это нечто! Я в последнее время беру только русских проституток.

За три месяца до описываемых событий

– Считаешь, драгоценности Беловозовых-Шумских? – задумчиво произнес Ганс Феллер. – Которые делал старый Мильц? И там еще есть что-то китайское? Сворованное молодым авантюристом, родственником графов?

Ульрих не сомневался: узкоглазых, скорее всего, заинтересовало нечто китайское. Раз девять человек китайцев были убиты... Ведь не просто же так они драпали из Китая? И не с пустыми руками?

– Может, просто с золотишком? – высказал предположение Вальтер, второй приближенный Ганса Феллера.

– Стал бы Франк Ли пачкаться? – покачал головой Ганс Феллер. – Должно быть что-то очень ценное.

– А если все-таки бриллианты Беловозовых-Шумских? – сказал Вальтер. – Старые русские драгоценности – это старые русские драгоценности. Франк Ли ведь тогда увел у нас яйцо Фаберже. И часики императрицы.

– В любом случае у нас есть заказ на старые русские драгоценности, – подвел итог Ганс Феллер. – Они – наша главная цель. А если по ходу прихватим что-то китайское... Очень хорошо. Потом даже сможем перепродать Франку Ли. Хотя как бы выяснить, что именно китайцы везли на том корабле?

За три месяца до описываемых событий

– Господин Ли, – поклонился молодой китаец, – к нам пришла важная информация из России.

– Да? – Франк Ли оторвался от бумаг.

Подчиненный сообщил, что в Санкт-Петербург прибыл Ганс Феллер. Лично. А его подчиненный Ульрих, специализирующийся по России, посетил те же библиотеки, в которых до него сидели молодые китайцы, читавшие книги и старые газеты на интересующую Франка Ли тему.

Миллионер задумался, потом решил тоже лично навеститься в Россию. Раз давний конкурент там... Если дело стоит внимания самого Ганса Феллера, значит, оно стоит и внимания самого Франка Ли. Хотя вполне может быть, что их интересуют разные дела. Однако стоит выяснить, чем именно сейчас занимается Ганс. И, возможно, поучаствовать.

Тем более Франк Ли лично знаком кое с кем в Петербурге – из имеющих вес людей. В отличие от Феллера, всегда использовавшего на иностранной территории только немцев, Франк Ли, хотя и доверял только соотечественникам, считал необходимым завести связи в местных криминальных кругах. С самыми главными авторитетами. Они ведь не любят, когда кто-то посторонний действует на их территории, и ты можешь получить неприятность, когда ее совсем не ждешь. Все-таки надо учитывать местную специфику, которую до конца не может изучить ни один иностранец. Тем более среди русского криминалитета встречаются люди, с которыми можно иметь дело. С понятиями, как говорят в России. Которые держат слово. В отличие от чиновников, с которыми Франку Ли тоже приходилось сталкиваться.

В России берут взятки точно так же, как и в Китае. Это Франку Ли было понятно. Очень хорошо понятно. Только, в отличие от китайских чиновников, считающих своим долгом сделать то, за что им заплатили, русские могут и не сделать.

Но некий господин Иван Захарович Сухоруков, который почему-то числится банкиром, его ни разу не подводил. Этот человек очень дорожит своей репутацией и живет по понятиям. Более того, давно и очень успешно

проворачивает грандиозные махинации на территории России и Санкт-Петербурга, в частности, и виртуозно обходит все российские законы и всевозможные подводные камни, которые только могут встретиться. Наверное, следует поговорить лично с ним. Можно будет найти взаимовыгодное решение. Зачем русскому авторитету китайские национальные реликвии?

Глава 5

Валера Лис три дня следил за журналисткой Юлией Смирновой. Ну и жизнь у бабы! Подступиться к ней не было никакой возможности, потому что она целый день переезжала с места на место: с утра неслась к себе в холдинг, по пути забирая оператора с пивом, потом в управление, потом на какой-нибудь труп или несколько подряд, или на пожар, или на разборку, или к месту аварии, или в больницу. По пути могла заскочить в ГУИН, «Кресты», другие изоляторы, один раз даже гоняла в область в одну из колоний.

Для пробы Валера все-таки позвонил по одному из телефонов, напечатанных на последней странице «Невских новостей», попросил к телефону журналистку Смирнову. Заявил, что у него для нее есть интересная информация. Говорили с ним очень вежливо, попросили оставить сообщение – Смирновой его обязательно передадут, но номер ее мобильного дать не могут.

– Нет, я буду говорить только со Смирновой, – упрямо сказал Валера.

Его опять вежливо попросили хотя бы намекнуть на суть сообщения и оставить свои координаты. Валера повесил трубку. Наверное, Смирновой звонит масса народу, решил он. Что ж, понятно. Не может же она всем отвечать. Просто физически.

Хотя Валера с его талантами вполне может проникнуть в квартиру журналистки. Брать у нее ничего не будет. Просто подождет ее. Объяснит, что пришел поговорить. Навряд ли она станет звонить ментам и сдавать его.

Адрес он уже выяснил – проследил за журналисткой до дома, а там уже было дело техники. Вернее, общения с местными алкашами. Они все, конечно, знали,

где живет журналистка. Только удивлялись, что не очень-то она богата. Ездит уже несколько лет на «шестерке», квартира досталась от тетки, которую некоторые алконавты тоже помнили, золотом не обвешана. И про мужиков ее бывших рассказали. В общем, Валера Лис выяснил массу интересной информации.

Вечером, лежа в постели рядом с любимой женщиной Леночкой, к которой он возвращался после всех отсидок и которая ездила к нему на свиданки, кстати, совсем не близкие к Питеру, Валера думал об Аркадии Зиновьевиче, «иностранном иностранце», Алле свет Николаевне, банкире и журналистке. Что за расклад? И как бы в него поудачнее вписаться?

Решил еще несколько дней последить за квартирой Аркадия Зиновьевича. Как казалось Лису, события должны развиваться вокруг нее. Если что – он к журналистке домой наведается, как уже решил. Ее ничем не удивишь. Главное, все мужики у пивного ларька сказали: баба душевная и понимающая.

* * *

К Аркадию Зиновьевичу в последующие дни, как и обычно, приходили личности, занимающиеся тем же делом, что и Валера. Сдавали краденое с рук на руки, получали гонорар и отбивали гонорар тратить. Один раз появлялась Алла Николаевна. Рассказывала старому ювелиру про какой-то клад, зарытый во время наступления армии Наполеона, как прочитал по губам Валера. Клад не найден до сих пор, и про него осталась легенда, которая дошла до наших дней.

Валера напряг мозги, вспоминая историю. Вроде бы Наполеон в Питер не заходил? Он же на Москву шел. И из Питера никто не драпал. Зачем же было богатства в землю зарывать? Непонятно. Однако не пойдешь же уточнять.

На следующий день после визита Аллы Николаевны появились неожиданные посетители. По крайней мере, Валера их увидеть не ожидал. Хотя почему бы и нет?

Во двор из-под арки вошли два молодых китайца. Или не китайца, но Валера определил их для себя как жителей Поднебесной. Гости внимательно осмотрели двор. Валера юркнул за занавеску. Он, конечно, и так не прямо у окна с

биноклем сидел, но тут скрылся получше. Выглядывал в щелочку. Китайцы, в отличие от всех других посетителей двора, внимательно осмотрели все окна, однако к Аркадию Зиновьевичу не пошли. Так, что за чертовщина? Может, это иностранные киллеры? Из какого-нибудь центра восточных единоборств? Место присматривают? По мнению Валеры, убивать в этом дворе, кроме Аркадия Зиновьевича, было некого. А смерть Аркадия Зиновьевича в Валерины планы никак не входила. Он решил еще понаблюдать.

Китайцы – те же или другие – появились снова на следующий день. Примерно в то же время. На этот раз заходили во все подъезды, правда, поквартирный обход, как любят делать менты, не проводили. Просто поднимались до верха и спускались. «Точно, ищут место для удачной позиции снайпера», – решил Валера. И стал думать, что предпринять.

Самому, конечно, засвечиваться не хотелось.

Проблему помогла решить мастерица самогонварения Петровна.

Когда Валера уже собирался вечером отбыть к Леночке, поджидавшей его с горячим ужином, в коридоре коммунальной квартиры началось бурное обсуждение «узкоглазых». К самогонщице пришла коллега из другого подъезда. Правда, та специализировалась по квашению капусты нескольких видов, торговала пакетами у метро и снабжала местный народ закусью. Оказалось, обе бабки сегодня видели китайцев. Из одной комнаты выполз проспавшийся алкаш, сказал, что какой-то его приятель тоже вчера их видел. Они их еще обсуждали за бутылкой бормотухи, не привиделось ли. С чего бы им тут взяться?

Валера решил поучаствовать в разговоре и тоже выплыл в коридор. Предложил вызвать милицию. При слове «милиция» энтузиазм собеседников мгновенно сошел на нет.

– Вы меня не так поняли, – пояснил Валера. – Я сегодня за ними специально наблюдал. Они словно место выискивали, куда снайпера посадить. Нам тут нужно заказное убийство? Чтобы менты всех трясли, как груши? А если возьмут ДО, то нам всем только спасибо скажут, а не скажут, так сюда соваться не будут.

Собеседники задумались, тут подтянулись еще алкаши, населяющие коммуналку, и признали предложение Валеры дельным. Надо отвлечь ментов большим злом от меньшего. Пусть берут поднебесных киллеров, а русских людей оставят в покое. И все будут довольны. Ментам – лишняя «палка» (в смысле раскрытие или предупреждение готовящегося преступления), гражданам спокойнее без заботы органов об их спокойствии.

Как выяснил Валера, все местные алкаши и бабки знали про бизнес Аркадия Зиновьевича. Правда, тут было не принято доносить на соседа. Мы не американцы. И куда бы тогда масса квартирных воров сдавала краденое? Людям бы пришлось искать новый канал, а пока найдут... Жить-то надо... Тем более Аркадий Зиновьевич никому из местных жить не мешал. Но на цель снайпера все называли его кандидатуру. Имевшиеся во дворе богатеи были какой-то мелочью (по стандартам нуворишей), и китайцы навряд ли стали бы за ними гоняться.

– А Аркадий Зиновьевич и китайскими вещами занимается? – спросил Валера с видом идиота.

– Ну у них же есть золото, – разумно ответила самогонщица Петровна. – Носят же там украшения?

– А сколько у них было императоров... – многозначительно протянул спившийся историк и попытался что-то рассказать жильцам коммуналки о китайских императорах, но мысли у него в голове сильно путались.

– Надул, наверное, их старый еврей, а они простить не могут, – заметила бабка-капустница. – Наши-то это как жизненный факт воспринимают, а китайцы...

Народ еще какое-то время обсуждал возможную национальность непрошенных гостей, прикидывал, не могли ли это быть наши узбеки, потом от этой мысли отказался, так как бабка-капустница каким-то узбекам постоянно продавала капусту у метро и была уверена: не они ходили место для снайпера высматривать. И на казахов не похожи. В общем, не из бывшего Советского Союза.

Потом началось обсуждение, как все-таки сообщить в милицию о готовящемся убийстве.

– Может, самому Аркадию Зиновьевичу сказать? – робко предложил Валера.

На него тут же замахали руками. Во-первых, Аркадий Зиновьевич без предварительной договоренности дверь никому не открывает. Во-вторых, может не поверить соседям, он ни с кем никогда не дружил. В-третьих, что он сделает? В-четвертых, как тогда милиция в благодарность гражданам не будет обращать внимания на мелкие грешки этих самых граждан?

После долгого обсуждения, в котором участвовали жители двух соседних квартир, тоже загоревшиеся мыслью поймать киллера, решили позвонить в «Криминальную хронику» известной журналистке Юлии Смирновой. Про журналистку вспомнили, так как обсуждение китайских снайперов было прервано как раз для просмотра «Криминальной хроники», которой интересовались все.

Быстро нашли еженедельник «Невские новости», и самогонщица Петровна набрала один из указанных на последней странице телефонных номеров. То ли у Петровны рука была легкая (после того как за свою долгую жизнь выгнала тысячи ведер самогона, принесла радость десяткам тысяч людей), то ли просто повезло, но на Смирнову их переключили. Возможно, она сидела на работе после программы и принимала звонки граждан.

Петровна объяснила суть проблемы. Смирнова тут же загорелась, спросила адрес и сказала, что вскорости будет вместе с оператором и человеком из управления, и на самом деле прибыла.

Валера решил уж эту-то возможность не упустить и с журналисткой пообщаться.

За три месяца до описываемых событий

Проблем со знакомством с девушкой у Николя не возникло. Ольгу интересовали только деньги. Француз быстро понял, что никаких теплых чувств и вообще положительных эмоций по отношению к банкиру она не испытывает – только к его деньгам. Если Николя предложит больше – будет питать чувства к нему.

Николя выложил проспекты модельных агентств, которыми его щедро снабдил двоюродный брат. Обрисовал перспективы. И объяснил, почему эти перспективы предлагаются именно этой девушке, а не какой-то другой: выбор-то в России большой и есть масса желающих отправиться покорять подиумы Европы.

Девушка, не задумываясь, согласилась помочь. Только сразу попросила аванс. Николя выдал. Понимал, что иначе она вполне может продать его банкиру – за большие деньги. И еще раз намекнул, что сотрудничество с ним для нее выгоднее, чем с банкиром.

За три месяца до описываемых событий

Ганс Феллер вместе с верными соратниками Ульрихом и Вальтером опять отправились к старому ювелиру.

– Сообщите, если всплывут драгоценности Беловозовых-Шумских, – сказал Ганс Аркадию Зиновьевичу. – Мне нужны именно эти драгоценности. Хотя и от других не откажусь.

Старый ювелир обещал не только ждать, пока они всплывут, но и проявить активность, приступив к их поиску.

За три месяца до описываемых событий

– Я сам не занимаюсь подобными делами, – сказал Иван Захарович Сухоруков после того, как внимательно выслушал Франка Ли, с которым уже имел дело в прошлом, – и остался доволен взаимовыгодным сотрудничеством.

Иван Захарович в советские времена провел не одну пятилетку в строгой изоляции, в перерывах успел приложить свои многочисленные таланты в различных сферах. И чем он только не занимался... Мог делать деньги буквально из воздуха. В годы перестройки начал с металлолома, курями заморскими торговал, машинами, лекарствами, наркотиками, пытался пролезть в депутаты Госдумы, не прошел, понял, что вначале следовало создать свою партию, хотел построить элитный следственный изолятор (для лучших людей нашего города),

не дали, заимел свой банк. В интервью всегда говорил, что ему довелось поработать на Севере, правда, никогда не уточнял, кто подписывал контракт с другой стороны.

Никто не знал точно, сколько ему лет. В последние годы он стал несколько сентиментален или скорее тщеславен. Захотел прославиться на века, память о себе оставить потомкам.

Главное, что в его руках была сосредоточена немалая власть. Он, так сказать, отслеживал в Питере потоки. Разные. Ни одна крупная сделка не могла совершиться так, чтобы Иван Захарович не приложил к ней если не руку, то хотя бы палец. Или просто не был бы в курсе. Если не сам, то его верные оруженосцы Лопоухий и Кактус, внимательно следящие за развитием ситуации. В целом и в частности.

Это знал Франк Ли. Поэтому и решил, что с Иваном Захаровичем нужно дружить, если хочешь появиться на питерском рынке.

– Что ты посоветуешь, Иван? – вежливо поинтересовался господин Ли у криминального авторитета.

– Виталья? – Иван Захарович повернулся к своему верному оруженосцу с сильно оттопыренными ушами, отчего он и получил прозвище Лопоухий.

Виталья предложил старого ювелира, занимающегося скупкой краденого. Тем более раз его прадед делал те драгоценности...

– Думаю, Франк, тебе лучше действовать напрямую, – сказал Иван Захарович. – Иди к ювелиру сам. А мы со своей стороны проконтролируем процесс. Если с Аркашей возникнут проблемы, дай знать.

Глава 6

С работы я позвонила Андрюше на работу, надеясь, что он еще на месте (надежды оправдались), и передала сообщение граждан.

– Ты веришь в этот бред? – устало спросил Андрюша, которому было явно лень куда-то тащиться на ночь глядя.

– А почему бы и нет? Бдительные пенсионерки засекли китайцев, шляющихся по двору и что-то высматривающих. Не могли же они им померещиться.

– Они твоих программ насмотрелись. Количество перешло в качество. Теперь всех считают потенциальными киллерами.

– Не хочешь – не надо. Поеду без тебя.

– Ладно, – вздохнул Андрюша. – Подруливай к управлению. Пашка еще адекватен?

– Не очень, – честно сказала я.

Мы довольно быстро добрались до места. Перед въездом в первый двор (а нам нужно было в третий) нас уже встречала делегация из местных бабок и алкоголиков. Все наперебой стали рассказывать про китайцев, появлявшихся два дня подряд и явно что-то вынюхивавших.

Каждый старался высказать свою версию. Не исключался даже теракт. Вон в Москве чеченцы дома взрывали, почему бы у нас китайцам не взорвать? А может, они хотят общиной переселиться в этот двор и выселить отсюда местных граждан, часть которых проживает здесь с довоенных времен и уже не рассчитывает получить отдельные квартиры. Если китайцы купят всем жилье – хорошо, а если обманут? В Китай никто переезжать не хотел.

Но большая часть почему-то твердо решила, что это профессиональные китайские киллеры.

Андрюша обещал к завтрашнему дню прислать на место опергруппу для захвата. Раз уж они два дня появлялись в одно и то же время, почему бы им не появиться в третий? Я обещала находиться поблизости вместе с оператором, чтобы заснять процесс.

После чего мы с Андрюшей и Пашкой отбыли.

– Поехали в управление, – сказал Андрей в машине.

– На фига? – подал голос с заднего сиденья Пашка.

– Раз уж у Юленьки зудило пообщаться с гражданами, то теперь нужно выяснить, кто там в этих домах проживает и чем занимается.

– Тебе же граждане все рассказали, – напомнила я. Они в самом деле рассказали и про всех нуворишей, и про старого еврея-ювелира. Больше во дворе стрелять было некого: все остальные граждане интереса для киллеров представлять не могли.

В управлении народ принялся за работу и, несмотря на поздний час, смог раскопать довольно любопытную информацию. Конечно, если поискать, заметных жильцов было за что стрелять, правда, не китайцам. Зачем уроженцам Поднебесной понадобилось кого-либо здесь убивать, никто в управлении догадаться не мог.

Оставался Аркадий Зиновьевич Мильц. Правда, какие у него дела с китайцами, тоже было не определить. Но заинтересовал он нас всех по другой причине. Никак не связанной с китайцами, японцами, монголами, вьетнамцами и прочими.

Аркадий Зиновьевич являлся внуком и правнуком известных ювелиров, чьи изделия продавались по баснословной цене на аукционах Европы. В частности, его прадед по спецзаказу делал украшения графине Беловозовой-Шумской, в особняке которой ныне проживал известный всем нам банкир Виктор Анатольевич Глинских.

– Так, давайте временно забудем о китайцах, – сказал Андрюша. – Я, конечно, завтра туда направлю ребят, но сейчас речь не о них. Мы им спасибо должны сказать. Иначе бы никогда не узнали ни про драгоценности, ни про мастера.

– А что это нам дает? – откровенно не понял его коллега, также недавно занимавшийся делом убийства модели в особняке банкира.

Я тоже не совсем понимала. Хотя про клад, закопанный во время наступления войск Наполеона, знала. Однако тут получалось некоторое несовпадение по

времени. Драгоценности зарыли до рождения прадеда Аркадия Зиновьевича. Следовательно, он никак не мог их делать. Хотя... Он мог исполнять заказы той графини, которая бежала от большевиков в начале двадцатого века. Может, француз Николя рассчитывал получить какую-то информацию об эмигрировавшей родственнице? Не знал года издания «Петербургских тайн»? Или считал, что книга претерпела несколько изданий? Хотя вполне возможно... Не наведаться ли мне завтра в Публичку? Может, там что-то найду про драгоценности Беловозовой-Шумской? Или лучше озадачить этим вопросом сестру убитой Ольги Александру? Чтобы знала, какую информацию следует вытаскивать из Николя?

Потом мне внезапно вспомнилась хозяйка художественной галереи Алла Николаевна. Вот кто, наверное, может проконсультировать. И каталоги в галерее должны иметься.

– Может, Глинских нашел драгоценности графини? – высказал предположение Андрюша.

Его коллега покрутил пальцем у виска.

– Драгоценности увидела Ольга, и он ее убил, – добавила я. – Ты это хочешь сказать?

– Или Ольга их нашла, и банкир ее убил за это, а Грише Петрову предложил долю за то, что тот отсидит за него в тюрьме, – добавил коллега Андрея. – Вы себя-то хоть слышите? Вспомните: когда банкир купил особняк, там ремонт шел полгода. Мы же узнавали. Если бы были какие-то тайники, они бы обнаружили тогда. И их бы рабочие нашли. И сколько он уже там живет? Лет семь. Где он там мог найти тайник? Или она? И вообще, забудьте вы про банкира.

– Как про него забудешь, если он чуть ли не ежедневно мелькает по ящику, – вздохнул Андрей. – Правда, жаль, не в Юлиной программе. Там ему самое место, а не в светской хронике.

– Андрей, на самом деле связь какая-то опосредованная, – заметила я. – Ну узнали мы, кто делал украшения давно умершей женщины. Так она ведь вполне могла вывезти их из России. И скорее всего, вывезла. Украшения ведь много места не занимают. Это же не картины, не мебель, не книги. В любом случае

китайцы, если собрались убивать Аркадия Зиновьевича, то уж никак не за то, что его прадед делал украшения по заказу графини Беловозовой-Шумской. Им-то они на фиг?

Коллега Андрея кивнул, полностью соглашаясь с моим мнением.

– Но группу на завтра все равно надо бы отправить, – добавила я. Посмотрела на Пашку. – Сегодня вечером больше не пей. Чтобы завтра быть как огурчик.

Пашка обещал.

* * *

С вечера поставила оператору два будильника в кастрюли, чтобы громче звонили, еще сама позвонила по телефону с утра, услышала обычные Пашкины утренние матюги, после чего поехала за ним. Андрей уже прогуливался неподалеку от интересующего нас въезда во двор. Увидев мою машину, загрузился и сообщил, что группа на месте. Даже местные алкаши проснулись раньше обычного, разбуженные бдительными бабками. Граждане были готовы оказывать посильное содействие сотрудникам органов.

Все с нетерпением ждали китайцев. Пашка уже выпил позволенную мной единственную бутылку пива и страдал, вертя головой во все стороны. Ларьки тут отсутствовали, правда, в поле видимости имелось несколько магазинчиков.

– Юль, отпусти на минутку, – заканючил оператор. – Снимать не смогу – так горло дерет.

– А если сейчас китайцы подъедут?

– Андрей! – тронул приятеля за плечо Пашка, сидевший сзади вместе с драгоценной камерой.

– Паш, не могу! И Юлька не может. И тебя нельзя отпускать.

– Вечная проблема: кто пойдет за «Клинским»? – заметила я.

– Ты прекрасно знаешь, что я – патриот «Балтики», – напомнил Пашка. – Юль, крикни кого-нибудь из местных алкашей. Они тебе принесут в лучшем виде. А ты меня напоишь. Юль...

Я высунула нос из машины и увидела дежурящих в ожидании сенсации трех личностей вполне определенного вида. Вышла из машины, прошла к ним (поскольку стояли они недалеко) и обратилась с просьбой спасти оператора от понятной им болезни.

Один из мужиков (с наименее спитой физиономией) вызвался сходить за пивом и тут же попросил у меня телефончик. Я попыталась уклониться, тогда мужик всучил мне свой и попросил позвонить как-нибудь после одиннадцати. Он мне расскажет кое-чего интересное.

– Валер, а ты по ночам куда уходишь-то? – спросил его приятель.

– Да дежурю я. Чего по телефону-то не поболтать? Юлия Владиславовна, позвоните, а? – И он мне подмигнул. После чего отправился за пивом.

Через три минуты он загрузился в мою машину на заднее сиденье (я подумала, что салон теперь придется обильно полить дезодорантом) и выпалил:

– Там в магазине один китаец стоит, витрины рассматривает и на улицу все время косит.

– Чего?! – сказали мы хором с Андрюшей.

Правда, больше ничего не успели: к интересующей нас арке, за которой мы наблюдали с некоторого расстояния, подъехал синий «Опель» не первой молодости, в котором, как мы увидели, сидели явно не русские граждане. В количестве четырех человек. «Опель» зарулил под арку. Андрюша судорожно схватился за рацию и передал информацию группе, поджидающей в третьем дворе.

– Вызывай-ка подкрепление, – сказала я. – Тут четверо, еще один в магазине, не исключено, что еще где-то поблизости дежурят.

Андрюша тут же связался с кем следует. Однако прибытия подкрепления еще предстояло дожидаться, и сотрудникам пришлось бы действовать малыми силами. Если бы не помощь граждан, группа захвата не справилась бы с китайцами, появившимися в большем, чем ожидалось, количестве. Но граждане взяли их массой.

Я, к сожалению, при самом процессе захвата лазутчиков не присутствовала, только результат увидела. Пашка заснял его на пленку, я взяла интервью у особо отличившихся волонтеров.

Как сообщили граждане, трое китайцев выгрузились из машины в первом дворе. Один остался сидеть за рулем и развернул машину к арке, чтобы сразу же выехать. Трое пешком отправились в третий двор. Там опять стали рыскать по всем лестницам. Вернее, попытались. После чего оказались скручены группой захвата, которой оказали упорное сопротивление, и бдительными гражданами. Удалось захватить и водителя «Опеля». Дежуривший в магазине скрылся.

Задержанные желтокожие граждане, включая водителя «Опеля», у которого не было ни прав, ни техпаспорта на машину, оказались без каких-либо документов. Машина с питерскими номерами несколько раз перепродавалась по доверенности. Вероятнее всего, в случае остановки сотрудниками ГИБДД китайцы в качестве документов собирались предъявлять портреты известного в России американского президента Франклина. Кстати, указанные портреты имелись у них в большом количестве. Видимо, заменяли документы. У каждого наличествовало оружие.

Китайцы упорно молчали, хотя им быстро доставили переводчика – в Питере не проблема найти человека с китайским языком. Как, впрочем, и со многими редкими. Господа не отвечали на вопросы ни на китайском, ни на русском, ни на английском. Однако «пальчики» двоих рассказали свою собственную историю. «Пальчики»-то говорят одинаково – будь ты китаец, японец или швед.

Двое числились в розыске по линии Интерпола и входили в группировку известного торговца антиквариатом господина Франка Ли, гражданина США. Самому господину Ли ни в одной стране ни разу не смогли предъявить никакого обвинения. Хотя интерполовцы знали за ним немало грешков. Но... не было убедительных доказательств.

В группировку Франк Ли входили только китайцы. Там поддерживалась железная дисциплина. После первого года работы группировка не знала ни одного предателя. Главарь жестоко расправлялся с теми, кто пытался работать на два фронта или продать его, причем не только с теми, кто пошел против него, но и всеми членами их семей. В группировку не удалось заслать ни одного шпиона. Их всех сразу же раскрывали и жестоко убивали. Семьям погибших членов группировки Франк Ли выплачивал очень крупную компенсацию. Его власть держалась на двух китах: страхе и уверенности в будущем семьи.

– Это не наша епархия, – сказал Андрюша, после того как выяснилось, откуда дует ветер. И китайцев в самом деле вскоре забрало другое ведомство.

– Но какого лешего им понадобилось в том дворе? – спросил его коллега. – Да, предъявить им можно только ношение оружия. Конечно, если не считать двоих из картотеки Интерпола. И что дальше?

Допрошенный Аркадий Зиновьевич только моргал глазами и повторял, что ни про каких китайцев слухом не слыхивал и вообще он – скромный пенсионер и его следует оставить в покое.

Аркадию Зиновьевичу быстренько напомнили про старые грешки, он стушевался, но все равно повторял, что с уроженцами Поднебесной дела никогда не имел.

«Куратор» Аркадия Зиновьевича, завербовавший его много лет назад, подтвердил, что в чем, чем, а в связях с китайской мафией, пустившей свои щупальца по всему миру, Аркадий Зиновьевич точно замечен не был.

Сюжет в «Криминальной хронике» мы дали (без Аркадия Зиновьевича) и по просьбе органов обратились к гражданам, опознавшим задержанных. Просили звонить в органы по указанным на экране телефонам.

К сожалению, никакой информации собрать не удалось. Да и китайцами в самом деле занялась другая организация.

За две недели до описываемых событий

Николя прибыл в Россию в третий раз. Эти поездки приносили ему удовольствие. Чего ж не ездить, если кузен все оплачивает? Загорелся братец идейкой прихватить старые драгоценности Беловозовых-Шумских. И что это у него так зудит?

Николя долго думал над этим вопросом. Потом решил: а не встретил ли братец какого-нибудь заказчика на выставке драгоценностей Фаберже, после которой так возбудился? Может, тот человек и финансирует операцию?

Стоило Николя только попросить, братец не споря согласился отдать ему свой паспорт. Николя сказал, что ему самому не следует регулярно мотаться в Россию под своим именем, тем более раз он прямой потомок Беловозовых-Шумских и носит фамилию Шумской. Зачем привлекать лишнее внимание? Вот если он станет претендовать на наследство...

И брат отдал паспорт. На фотографии они были немного похожи друг на друга. А на визу фотографировался уже Николя.

Француз вздохнул. Пока следовало найти драгоценности, а уж там...

И он отправился к старому Мильцу.

* * *

Ганс Феллер вместе с соратниками решил нанести визит своей давней знакомой Алле Николаевне в ее художественной галерее. Посмотреть, что там сейчас выставлено, попросить Аллочку показать, что не выставлено. Они давно и взаимовыгодно сотрудничают. Жаль, она не занимается драгоценностями.

От Алочки Ганс получил весьма любопытную информацию.

В ближайшее время предполагается выброс на рынок большой коллекции антиквариата. И картины, и подсвечники, и статуэтки, и много всего другого.

– Что за коллекция? – тут же оживился Ганс.

– Этого я сказать не могу, – таинственно улыбнулась Алла. – Но человек сам сообщил мне, что намерен продавать. За наличные.

– Как думаешь: почему? Просто так это не решают. Или проблемы с качеством товара?

– Проблем с качеством нет, – отрезала Алла. – Я сама давно на эту коллекцию облизывалась. Проблемы, насколько мне известно, с чеченцами. Хотя хозяин объясняет свое желание совсем по-другому. Но у меня, Ганс, как и у тебя, возник этот вопрос. И я навела справки о делах клиента.

– Мне, конечно, не хотелось бы связываться с чеченцами...

– Брось, Ганс! – отмахнулась Алла. – Ты не будешь с ними связываться. Ты будешь связываться со мной. Только приготовь наличку. Клиент хочет продать все сразу. Наличными. Если не возьмем мы, возьмут другие. Оно того стоит.

* * *

– Иван! Что происходит в твоём городе?! – возмущался Франк Ли. – Моих людей взяли!

– Я надеюсь, ты не считаешь, что это я настучал ментам? – оскорбился авторитет.

– Нет, я знаю, как ты к ним относишься. Для тебя это запахло. Я правильно выразился?

– Тем не менее я выясню этот вопрос, – обещал Иван Захарович и вскоре снова связался с Франком Ли.

– Я тебе что советовал, Франк? Ты хорошо помнишь? Почему ты сам тихо не сходил к Аркаше? Почему ты устроил шоу?

– Какое шоу, Иван?

– Твои люди привлекли слишком много внимания. Они рыскали по двору, все осматривали. И бдительные соседи позвонили в милицию и на телевидение. Скромнее надо быть. Неужели ты думал, что тебя в том дворе поджидают киллеры?

Франк Ли вздохнул.

– За мною следят люди Ганса Феллера, – сказал он.

– Да этот Ганс у тебя – просто навязчивая идея! Сколько тебя знаю – все время слышу: Ганс, Ганс! А за твоих людей придется заплатить.

– Сколько нужно, Иван? – спросил Франк Ли.

Затем лично отправился к старому Мильцу. Без охраны.

Глава 7

Валера Лис опять не мог решить, что ему предпринять. С соседями бурно обсудили захват противника, оказавшего упорное сопротивление. Аркадия Зиновьевича таскали в органы, потом он долго отпивался корвалолом и отъедался валидолом. У него даже ночевал племянник. Аркадий Зиновьевич кому-то неоднократно звонил, но Валера со своего поста не мог разглядеть кому.

Через неделю старикан вроде бы отошел и снова стал заниматься обычным делом. То бишь скупать краденое и переделывать ювелирные изделия, чтобы потом продать уже как новые.

Опять заходила Алла Николаевна. Как решил Валера, хозяйка художественной галереи является одной из тех, кто реализует переделанные ювелирные изделия.

Затем во дворе опять появились иностранцы. Но не китайцы. Европейцы.

Иностранцев было трое. В центре группы шел представительный мужчина лет сорока пяти. Он явно был главным. Выражение радостного идиота, так свойственное иностранцам, на этом лице отсутствовало. Валера почему-то подумал, что если бы увидел его не в этом третьем дворе, где живет старый ювелир, то принял бы за политика. В облике господина сочетались лощеность и порочность.

Его сопровождали два типа, очень напоминающие наших братков. Широкоплечие, высокие, в расстегнутых куртках. Ребятам явно было жарко, но не из-за погоды, просто кровь бурлила. Если у господина на голове была шляпа, то охранники демонстрировали миру гладкие черепа. То есть у одного он был полностью выбрит, а у второго отросшие примерно на полсантиметра волосы были выкрашены несколько странным образом – при взгляде сверху (а Валера Лис как раз смотрел с пятого этажа) вырисовывались очертания какой-то страшной морды. Похоже, драконьей. Или кого-то из преисподней, где мужику было самое место. Валера решил, что ни один из отечественных бандитов ничего подобного у себя на башке изображать бы не стал. У нас это как-то не принято.

Более того, у другого телохранителя в одном ухе болталась довольно длинная серьга, состоявшая из нескольких частей. Сверху детали было не рассмотреть, но для наших вообще какие-либо серьги нетипичны, тем более длинные. Наши носят толстые золотые цепи, браслеты, «гайки», но чтобы вот так...

Нет, определенно иностранцы. Причем, скорее всего, немцы. Почему-то Валера подумал, что двое телохранителей очень подошли бы для исполнения ролей эсэсовцев в каком-нибудь советском фильме. Ну, конечно, если снять серьгу у одного и перекрасить в однотонный цвет другого.

Как и следовало ожидать, компания отправилась к Аркадию Зиновьевичу. «Да, тут не соскучишься», – подумал Валера.

Старый ювелир их явно ждал. Сдувал пылинки, поил кофеом.

Старший в троице господин по-русски говорил, но плохо. Хорошо изъяснялся тип с мордой, как назвал его про себя Валера. Он и выступал в роли переводчика.

Речь шла о покупке «ценностей». Однако, как понял Валера (к его великому сожалению не видевший губ ювелира), товара у Аркадия Зиновьевича в эти

минуты не было (или он так говорил гостям). Он только демонстрировал им все тот же альбом, до которого мечтал добраться Валера.

Старший в троице с большим интересом изучил альбом, причем весь. Потом стал интересоваться, когда же искомое будет у Аркадия Зиновьевича. Тот обещал тут же сообщить.

После чего гости отбыли. Валера быстро собрался, решив проследить за ними. Это он умел, да и внешность имел совсем обычную.

Проследил до жилого дома в Московском районе. У местных бабок выяснил, что «немчура, фашисты проклятые», пленные предки которых эти дома строили после войны, снимают тут квартиру. Живут не постоянно, наездами. То приезжают, то уезжают. Состав периодически меняется, но все такие же уроды, только один приличный, видимо, начальник у них. Летом «эсэсовцы» демонстрировали местным гражданам татуировки, каких бабки у «нормальных людей» никогда не видели. Чужаки тела свои раскрашивали различными цветами. У наших же принят один синий. У нормальных людей, не имеющих к голубизне никакого отношения.

«Временные, что ли?» – подумал Валера и тут же переключился на другое: татуировки его нисколько не интересовали в отличие от цели их визита.

Версий было две. Это как-то связано или с банкиром Глинских, или с китайцами. Мог быть и третий вариант: все участники ищут одно и то же. Не зря же Алла Николаевна регулярно шастает к Аркадию Зиновьевичу. Эта нюхастая баба своего не упустит.

Валера решил еще подождать, чтобы потом сорвать банк. Теперь он не сомневался: речь идет о каком-то исключительно ценном товаре, раз уж столько людей им интересуются. И товар («ценности») должен в ближайшее время оказаться у старого ювелира.

Хорошо подумав, Валера Лис решил, что товар должен принести Глинских.

Значит, следует следить за домом банкира. Соваться внутрь он не посчитал для себя возможным. Был уверен, что дом напичкан сигнализацией, там наверняка дежурят многочисленные мордовороты. Он был не первым, кто так ошибался.

Банкир просто умел произвести должное впечатление.

А вечером в квартиру любимой Валериной женщины Леночки позвонила журналистка Смирнова.

Леночка, которая подошла к телефону, несколько возбудилась, услышав женский голос, спрашивающий Валеру. Потом быстро приняла боевую стойку и голосом, не предвещающим звонившей ничего хорошего, спросила, какой это стерве понадобился ее мужик. Смирнова представилась. Леночка тихо прибалдела, потом уточнила, та ли это самая Смирнова, которая ведет Леночкину любимую передачу про убийства банкиров и политиков. Смирнова оказалась та самая. Леночка тут же сменила гнев на милость и передала трубку Валере. Правда, коршуном витала вокруг телефона, прислушиваясь к сути разговора.

Валера решил натравить Смирнову на владелицу художественной галереи Аллу Николаевну, чтобы вывести эту прохиндейку из игры. В возможности Смирновой он верил, а против женщин действовать никогда не любил. С мужиками он как-нибудь справится. Тем более с иностранными. Китайцами уже занялись органы (после того как Валера задействовал ту же Смирнову). Разобраться же с эсэсовцами – дело чести. Для русского человека, у которого прадед на фронте погиб, а дед калекой стал. Только пусть Смирнова нейтрализует галеристку.

– Юлия Владиславовна! Понимаете, я при милиции не хотел говорить... У меня к ним доверия никогда не было... Жизнь, знаете ли, потрепала. Но товар к старому Аркаше должна принести известная в нашем городе торговка краденым Алла Николаевна. Вы, наверное, про нее слышали.

Смирнова оправдала доверие Валеры Лиса и про Аллу Николаевну знала немало.

– Там что-то старинное, – продолжал Валера. – На что претендуют китайцы. У них же в стране сколько императоров было? – Валера импровизировал, вспоминая речь спившегося историка. – И граница у нас с ними общая. Конечно, не рядом с Питером, но русские люди легко преодолевают большие расстояния. В общем, Алла Николаевна и китайскими ценностями торгует. Она всем торгует. Что попадетсЯ. Так что вы бы провели журналистское расследование...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhukova-gladkova_mariya/brillianty-trebuyut-zhertv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)